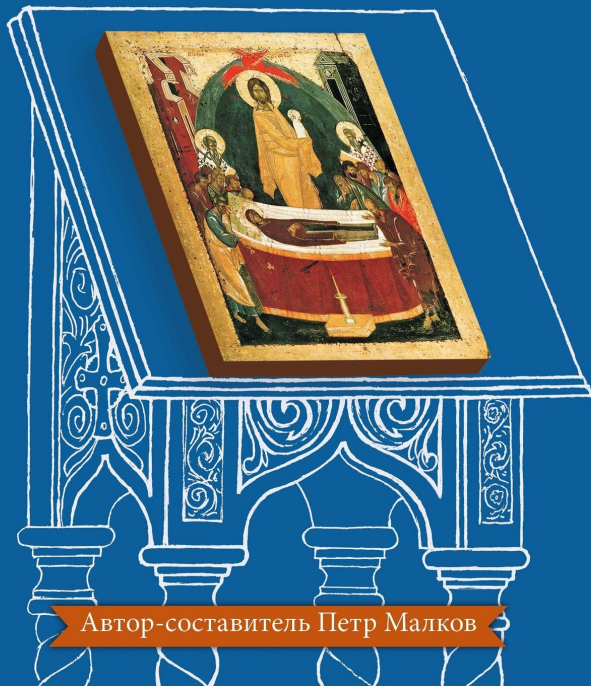

СВЯТЫЕ ОТЦЫ

О ЦЕРКОВНЫХ ПРАЗДНИКАХ

Успение Пресвятой Богородицы

Автор-составитель Петр Малков

Антология
Петр Юрьевич Малков
Успение Пресвятой
Богородицы. Антология
святоотеческих проповедей
Серия «Святые отцы о
церковных праздниках»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61222628
Успение Пресвятой Богородицы. Антология святоотеческих
проповедей: Никея; М.; 2021
ISBN 978-5-907307-30-8

Аннотация

Антология святоотеческих творений на праздник Успения Пресвятой Богородицы включает произведения разных традиций и эпох, византийских, латинских и русских авторов – от святителя Германа Константинопольского до священномученика Сергия Мечёва. Издание предваряет вводная статья П.Ю. Малкова, призванная в ясной и доступной форме познакомить читателя с важнейшими богословскими и нравственными особенностями святоотеческого учения о духовном значении праздника.

Содержание

Петр Малков	5
Смерть: наказание и дар	5
Событие Успения Пресвятой Богородицы	16
Церковный праздник Успения Пресвятой Богородицы	41
Святоотеческие проповеди на Успение Пресвятой Богородицы	50
Святоотеческие проповеди на Успение: Мать, Родившая Бога	54
Святоотеческие проповеди на Успение: чистота, святость и духовная высота Богоматери	71
Святоотеческие проповеди на Успение: Богоматерь и ангелы	79
Святоотеческие проповеди на Успение: ветхозаветные пророчества о Богоматери и Ее библейские прообразы	92
Два Завета: от власти смерти, греха и ада – к успению христианина во Христе	102
Святоотеческие проповеди на Успение: умерла или уснула?	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Петр Юрьевич Малков
Успение Пресвятой
Богородицы. Антология
святоотеческих проповедей

© ООО ТД «Никея», 2021

Петр Малков

«Переправа к бессмертию»: святоотеческие проповеди на Успение Пресвятой Богородицы

Смерть: наказание и дар

В день Успения Божией Матери Церковь прославляет Ее святую кончину. Сегодня православные христиане радостно поздравляют друг друга с преставлением Пречистой Девы – событием, увенчавшим земной путь Марии и завершившим Ее земную жизнь. Однако может возникнуть недоуменный вопрос: а уместно ли это – радоваться смерти, пусть и такой славной, как кончина Богородицы? Допустимо ли поздравлять друг друга с тем, что прежде Жившая умерла и возлегла во гробе, что Ее тело лишилось животворящего духа, что над Нею возобладала смерть, которой вообще нет места в благом Божественном замысле о мироздании, которая явилась во вселенной и тиранически тут воцарилась лишь как плод людского греха? И разве это правильно: радоваться о лишении жизни и схождении во гроб Матери Того Самого Спасителя, Который и пришел в наш мир ради того, чтобы

эту смерть победить?

Природное явление смерти издревле казалось человеку величайшей из всех возможных загадок бытия. Смерть вызывает страх и трепет, растерянность и недоумение. Поэтому любой наш разговор о ней – это беседа «на грани фолы», во время которой от собеседников требуются максимальные такт и осторожность. Разумеется, всякий человек осознает, что рано или поздно ему придется умереть, но чаще всего он старается об этом не вспоминать. Не желают люди слышать об этом и от окружающих. Попробуйте сказать кому-либо в дружеской беседе: «Ты умрешь», и, вполне вероятно, разговор уже не будет столь же дружеским, как прежде. И хотя ваш порядком смутившийся собеседник, скорее всего, не выскажет своей обиды вслух, но сочтет сказанное оскорблением.

Однако именно такие, явно выходящие за рамки приличий утверждения о неизбежности смерти, конечно же, неуместные за дружеским чаепитием, постоянно слышны в христианских храмах. «Не забывай, что и ты умрешь», – непрестанно призывает своих чад Православная Церковь. Быть может, настойчивое подчеркивание Церковью неизбежности нашей смерти кому-то покажется ненужным. Ведь мы прежде всего ожидаем услышать в храме прекрасные и утешительные слова о бессмертии и вечной жизни, а нам зачем-то упорно напоминают, что мы должны помнить о «смертном часе» и к нему готовиться. Так почему же Православная Церковь столь настойчива в своем призыве иметь

неотступную «память смертную»?

Атеист может всю жизнь ожидать смерти именно как полного самораспада. Но христианин, даже готовясь к умиранию, на самом деле готовится к жизни – вечной жизни в Боге и реальности всеобщего воскресения. Благодаря такой вере смерть видится христианам лишь трудным испытанием на пути к блаженному и вечному существованию. Для православных людей умирание отнюдь не «последняя точка» в истории бытия их личности, но «запятая», необходимо подразумевающая и в дальнейшем непрестанное развитие «сюжета», задуманного для них Творцом и Создателем. И главный вопрос здесь заключается именно в том, в каком духовном состоянии мы, пройдя сквозь узкие врата смерти, вступим в новую бесконечную жизнь...

Разумеется, смерть не естественна ни для кого. Христиане отнюдь не считают смерть естественным или благим явлением. Мы знаем: вместе с прозвучавшим еще при создании мира Божественным возгласом *Да будет...* (ср. Быт. 1: 3), разнесшимся, подобно эху, в беспросветности первоначального небытия, все сущее – раз и навсегда – обрело надежную и непоколебимую жизненную основу. Не смерть, но именно жизнь является духовной осью, внутренним стержнем окружающего нас творения. Смерть же – нарушение «нормального» строя существования всего мироздания; она – лежащее на человеческом роде проклятие. Создатель не сотворил смерть; ведь Он – Творец всего сущего и Сам есть Жизнь,

а смерть – это прежде всего умаление и отрицание всякого бытия, обратный шаг в сторону первоначального домирного «ничто». Она – нарушение, искажение первоначального порядка в устройении человека, порядка, утраченного им в результате грехопадения: в преслушании Божественной воле. Бог отнюдь не желал для людей смерти, но человек, наш праотец Адам, сам обрек себя на это – из-за собственной минутной прихоти и слабости. Именно человек, призванный Богом к со-творчеству, к святому украшению и преображению, по дару благодати, окружающей его тварной реальности, позволил – через грехопадение – властвовать над собой этому разрушительному «ничто».

И все же Создатель, обладающий удивительной способностью преображать и обращать во благо даже людское зло, и здесь сумел превратить явление смерти из вдруг ворвавшегося в мир самовольного и разрушительного несчастья в путь к обретению вечного и радостного сопребывания человека с Творцом. И потому-то среди церковных свидетельств о значении смерти постоянно звучат неожиданные утверждения о том, что смерть несет с собой не только страдание и горе, но вместе с тем заключает в себе и некое богодарованное благо. «Благодетельно установлена смерть!» – восклицает в «Беседе 18-й на книгу Бытия» святитель Иоанн Златоуст (IV век). Тем самым смерть нередко парадоксальным образом рассматривается христианскими богословами именно как человеколюбивый дар Бога людям, как осуществление

любви Творца к Собственному творению. Как же разрешаются в православном вероучении эти кажущиеся несоответствия и противоречия?

Прежде чем пояснить, в чем суть Божественного «дара смерти», следует заметить, что, по мысли святых отцов Церкви, человек оказался **изначально сотворен** не только **не смертным**, но и **не бессмертным**. Будущее людей зависело от того, как они поведут себя по отношению к Богу и Его заповедям, какой путь они выберут: путь к богоподобию и вечной жизни, то есть бессмертие, или путь самоуничтожения, добровольного духовного и физического самораспада личности – смерть. Как учит святитель Фотий Константинопольский (IX век) в «Амфилохиях», «Бог смерти не сотворил, но создал человека в обручение бессмертию». Таким образом, естественное состояние нетленного и блаженного бессмертия было целью, так и не достигнутой человеком в пору его жизни в Эдемском саду. Даже там, находясь в состоянии теснейшего богообщения, он все же нуждался в некоем богодарованном и чудесном средстве для продления своего земного бытия. Таким средством для первых людей – Адама и Евы – оказалось вкушение плодов от древа жизни, благодаря чему они не умирали. Как утверждает Церковь, по прошествии времени их природа могла бы освятиться – одновременно и действием животворящей Божественной благодати, и путем собственного духовного самосовершенствования – настолько, что они стали бы бессмертны «по есте-

ству» и попросту не могли бы умереть. Но до той поры они все еще нуждались в «лекарстве от умирания».

Древо жизни было насаждено Богом в раю рядом с другим растением – деревом познания добра и зла. Людям было запрещено вкушать плоды дерева познания. Так Бог дал им первую заповедь поста, испытывая их смирение и воздержание, жертвенную готовность отречься от всего самого прекрасного и вожаделенного – ради любви к своему Создателю. Но Адам и Ева не соблюли свой пост, вкусив запретных плодов: они согрешили и обрekli себя на смерть.

Бог заранее предупреждал человека о такой «смертельной» опасности, говоря Адаму: *от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2: 16–17). В подобном Божественном предупреждении легко увидеть лишь угрозу наказания Адама смертью за грех. Однако смысл сказанного Творцом совсем иной. Ведь Бог не говорит, что если Адам съест плодов от дерева познания, то Он, Бог, его казнит, накажет смертью. Господь не говорит: «Я казню», но произносит: «ты... умрешь». Он лишь предупреждает человека о существующей опасности, о том, что должно неизбежно последовать за проступком первых людей: иного пути для них уже не будет.

Итак, Бог даровал человеку «право на смерть», и люди этим правом воспользовались. Впрочем, и Он Сам неким образом «поспособствовал» реализации этого права. Во-пер-

вых, Бог преградил Адаму и Еве доступ к плодам древа жизни. Господь изгнал первых людей из рая и поставил у Эдемских врат надежного стража – ангела, херувима, – преграждавшего им дорогу в бывший дом. Тем самым они лишились возможности вкушать плоды от древа жизни и по необходимости должны были умереть. Во-вторых, после людского грехопадения Бог отчасти как бы «пересоздал» их природу. В Книге Бытия сказано: *И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их* (Быт. 3: 21). Эти загадочные *кожаные одежды* символизируют, кроме прочего, смертность человеческого естества. Поясняя смысл произошедшего, священномученик Мефодий Олимпийский (III век) в сочинении «О воскресении» пишет: «Бог сделал кожаные ризы, как бы одевая человека в смертность». Таким образом, Создатель Сам претворяет в реальность сделанный Адамом выбор. Но Бог делает это отнюдь не из какой-либо мстительности. Как это ни странно звучит, смерть не только налагается на людей как проклятие, но и подается им как дар Божественного милосердия.

Для того чтобы доходчиво пояснить это кажущееся парадоксальным утверждение, лучше всего привести пример из детства. Наверное, каждый из нас когда-нибудь лепил снеговика и помнит, что снеговик лучше всего получался в те дни, когда снег был чуть влажным и легко собирался в ком. А если рядом с местом прогулки оказывалась горка, следовало лишь проявить чуть-чуть смекалки – и снеговик становился

по-настоящему огромным. Ведь можно было попросту запустить снежный ком с горки вниз, и, докатившись до ее основания, он собирал уйму снега без малейших наших усилий.

Нечто подобное ежедневно происходит в жизни каждого из нас. Человек все время – очень легко и без остановки, под собственной духовной тяжестью – катится под гору, заблуждаясь, ошибаясь, совершая неблагоприятные поступки. При этом грех (известно, что он способен накапливаться) «налипает» на нас, как мокрый снег. А теперь представим себе, что гора бесконечна и человек никогда не остановится в своем падении и не перестанет грешить, превращаясь в некое страшное, огромное и бессмертное чудовище. Именно ради того, чтобы непрестанно налипающие при нашем падении грехи не раздавили нас под своей тяжестью, людям и дарована смерть: это, по выражению святителя Кирилла Александрийского (V век), – «человеколюбивое наказание». Как поясняет святитель Кирилл («О Вочеловечении»), Бог «смертью останавливает распространение греха и в самом наказании являет человеколюбие».

Дело здесь еще и в том, что человек, по учению Церкви, может грешить (точно так же, как способен и каяться), лишь пока жив. Ведь грех (как и раскаяние) всегда затрагивает человека в его целокупности – действуя и в теле, и в душе, изменяя их параллельно, одновременно. После же смерти – с расторжением физической и духовной природ умершего, с разрушением его тела – такая целостность бытия личности

нарушается. При этом люди, конечно же, по-прежнему обладают личным самосознанием, неумирающим личностным началом. И все же в них происходит страшный раскол единого духовно-физического существа, разделение на «составы», – раскол, отнимающий прежде доступную для «полного» человека способность грешить. Именно поэтому – отныне и до ожидаемого Церковью всеобщего воскресения из мертвых, до дня Страшного Суда, – он вдруг оказывается (как раз «благодаря» смерти) свободен от властвующей над ним склонности ко греху, от той болезни греха, что прежде владела всем его естеством.

Так, попуская существование физической смерти, Господь стремится спасти человека от иной, куда большей, опасности: от вечных адских мучений.

Разумеется, допуская смерть, Бог тем самым отнюдь не отменяет изначальное предназначение человека: его обручение бессмертию. Изменился лишь путь, благодаря которому такое бессмертие может быть достигнуто. Отныне он проходит через всеобщее воскресение, ставшее доступным каждому после Крестной Смерти и Воскресения Христа. Именно через осуществленный Христом подвиг Искупления царившая до той поры в мире смерть оказалась побеждена Спасителем и ниспровергнута Им с ее временного трона. Коснувшись Того, Кто есть Сама Жизнь, она оказалась обожжена и попалена этим прикосновением.

Любой человек может приобщиться к этой победе Христа

над смертью. Правда, для этого ему необходимо во всем подражать Воплотившемуся Сыну Божию, пройти с Ним одним жизненным путем. А это означает, что христиане, достигнув конца дороги, должны переступить – вслед за Христом – и через оказавшийся перед ними порог их нового (пусть и временного) жилища: войти во врата смерти. Но этот, конечно же, страшный и их момент не воспринимается ими лишь как предстоящий всякому человеку уход в беспросветное небытие, где личность оказывается полностью стерта, уничтожена. Для христианина это всегда шаг совсем в иную вечность: ведь он твердо верит в то, что, хотя по внешней видимости его и поглощает земля – на самом деле его принимает в себя Небо.

Успение Пресвятой Богородицы – это именно праздник Ее смерти.

Кончина человека, весь свой недолгий век сознательно и убежденно прожившего без Бога, может оказаться страшной и горькой. Но смерть Богоматери, превзошедшей в Своей святости, в исполнении Своего призвания даже высочайшие ангельские чины – херувимов и серафимов, – поистине становится радостью, светлым и утешительным событием для всех христиан. И пусть горюют собравшиеся у одра умирающей Девы апостолы и первые епископы Древней Церкви, пусть скорбят они о разлуке с Матерью Богочеловека Христа – событие это дарует православным христианам надежду на их соединение в миг будущей кончины со своим Творцом.

На иконах, изображающих Успение Богоматери, рядом с Ее ложем всегда возвышается величественный Христос, держащий на руках спеленатую младенческую фигурку: она символизирует душу умершей Богородицы, душу, которую в миг Успения пришел принять на Свои Божественные руки Ее Сын. Эта детская фигурка и являет нам образ того духовного «рождения в смерти», что вводит человека в вечное бытие в Боге.

Пока еще мы все так же уходим один за другим в относительную неизвестность посмертного существования, тем не менее, твердо веря в данное Богом обетование о нашем будущем восстании из мертвых. И все же ныне мы учимся тому, что прежде – до появления в мире христианства – было бы попросту невысказуемо. Мы учимся теперь – всю жизнь! – тому, чтобы суметь воспринять день собственного ухода из этого мира не как жестокое, приводящее в отчаяние наказание, но как благой и милосердный дар нашего грядущего нового посмертного бытия во Христе – животворящий дар милосердного к Своему творению Создателя. И примером для нас здесь может послужить образ святого и мирного Успения Пресвятой Богородицы.

Событие Успения Пресвятой Богородицы

Понятие «успление» в христианской традиции впервые используется в евангельском рассказе о смерти Лазаря, друга Христова, которую Господь как раз и именует *успением*, затем пояснив апостолам, что речь здесь идет не об обычном сне, но о сне смертном: Спаситель *говорит им...: Лазарь, друг наш, уснул* (в церковнославянском тексте Евангелия – *Лазарь друг наш усне*); но *Я иду разбудить его. Ученики Его сказали: Господи! если уснул, то выздоровеет. Иисус говорил о смерти его, а они думали, что Он говорит о сне обыкновенном. Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер* (Ин. 11: 11–14). Святитель Филарет Московский в «Слове в день Успения Пресвятой Богородицы» 1851 года поясняет: «Что значит „успление“? По силе слова: отхождение ко сну. А означает сим кончина земной жизни Матери Божией. Приметно, Святая Церковь хотела избежать наименования смерти, говоря о Матери Жизни. Но откуда же заимствовано наименование „сна“ для означения смерти? Должно думать, что – из уст Христа Спасителя. *Лазарь, друг наш, уснул*, сказал Он апостолам, когда, по силе Своего всеведения, возвещал им о постигшей Лазаря смерти, находясь вдали от места его кончины. Видно, что это был новый язык: потому что апостолы не поняли его, и Господь нашел нужным перевести Свое

изречение на их обыкновенный язык: *Лазарь умер* (Ин. 11: 14)».

Вопрос о том, каковы же были обстоятельства последних земных дней Пречистой Девы, поначалу решался в Древней Церкви неоднозначно. Так, задававшийся им в IV столетии святитель Епифаний Кипрский писал в сочинении «Панарион»: «...Пусть исследуют Писания, и не найдут сведений ни о смерти Марии, ни о том, умерла ли Она, ни о том, что не умерла, ни о том, погребена ли Она, ни о том, что не погребена... Но Писание просто умолчало об этом по чрезвычайности чуда, чтобы не привести в изумление разум человеческий. Я не дерзаю говорить, но, размышляя о деле, храню молчание. Впрочем, быть может, мы найдем где-либо следы Святой и Блаженной Девы, когда ничего нельзя найти о смерти Ее. Ибо в одном месте Симеон говорит о Ней: *и Тебе Самой оружие пройдет душу*, – да откроются помышления многих сердец (Лк. 2: 35), а в другом – в Апокалипсисе Иоанна, говорится: и устремлялся змей на жену, родившую младенца мужеского пола. И даны были жене два крыла большого орла, и взята была Она в пустыню, дабы не похитил Ее змей (Откр. 12: 13–14). Может быть, это исполнилось на Ней; но я не утверждаю этого окончательно, и не говорю, что Она осталась бессмертной; но не утверждаю и того, что Она умерла. Ибо Писание стоит выше ума человеческого и оставило то неизвестным, так как Дева была Сосуд Честный и Превосходнейший, дабы не остался кто-либо в предположе-

нии чего-либо плотского о Ней. Итак, умерла ли Она и погребена ли, мы не знаем...»

Рассказ о событиях Успения Пресвятой Богородицы, бережно хранимый церковным преданием, дошел до нас благодаря древним апокрифическим сказаниям, посвященным обстоятельствам земной жизни Богоматери после Воскресения и Вознесения Ее Божественного Сына. Прежде всего, это созданное в конце V или же в начале VI века так называемое «Сказание об Успении Святой Богородицы святого Иоанна Богослова». Известны и иные посвященные Успению апокрифические тексты, например, «Сказание об Успении», приписываемое Иосифу Аримафейскому – тому самому, что, в согласии с евангельским рассказом, участвовал в погребении Господа и приготовил для Него гробницу (см. Ин. 19: 38–42).

Слово «апокриф» – греческое и означает в переводе «тайный», «скрытый», «сокровенный». Древние новозаветные апокрифические (то есть по тем или иным причинам не признанные Церковью подлинными и не включенные в канон Священного Писания Нового Завета) книги, создававшиеся в форме псевдоевангелий, деяний и посланий апостольских, апокалипсисов, сказаний, претендуя на подлинность новозаветных текстов или же на принадлежность авторству участников евангельских событий, таковыми на самом деле не являлись. Они были отвергнуты Церковью как подложные, ибо оказались созданы иными авторами, чем это утверждалось

в их заголовках, и гораздо позже, чем истинные новозаветные книги. Авторы апокрифов создавали их по разным причинам. Иногда – чтобы обмануть читателей, совершить еретический подлог якобы апостольских текстов: так поступали древние еретики-гностики (среди их текстов есть памятник, посвященный теме Успения, – полностью сохранившаяся лишь на эфиопском языке «Книга упокоения Марии»). Некоторые апокрифы представляли собой сборники древних христианских свидетельств, хотя и содержавшие смешение правды и вымысла, однако хранившие и подлинные важные свидетельства о тех или иных событиях священной истории. Именно из подобных древнейших апокрифов второго типа мы можем узнать о многих важных обстоятельствах земной жизни Пресвятой Богородицы: в том числе – о Ее Успении. Содержание таких апокрифических свидетельств затем, разумеется, подверглось православной корректировке со стороны древнецерковного христианского сознания, но при этом достаточно активно использовалось Церковью. Поэтому на основе текста «Сказания об Успении Святой Богородицы святого Иоанна Богослова» и иных сохранившихся древних апокрифических свидетельств о земной жизни Пресвятой Богородицы возникали другие посвященные Ее Успению произведения: например, сочинение «Об исходе Марии Девы», приписываемое святителю Мелитону Сардийскому (конец V – начало VI века), «Слово на Успение Богородицы» Иоанна, архиепископа Солунского (VII век), а также связан-

ное с именем преподобного Максима Исповедника (VII век) «Житие Девы»¹, значительная часть которого посвящена событию Успения. А вот как, например, кратко повествует о событии Успения в сочинении «О славе мучеников» святитель Григорий Турский (около 588–592 годов): «Когда Святая Мария совершила течение Своей жизни, определенное Ей от начала, были собраны все апостолы из разных мест в дом Ее. Когда узнали они, что должна отойти Она из мира, бодрствовал с Нею каждый. И вот, Господь Иисус приходит с ангелами Своими и, взяв душу Ее, передает архангелу Михаилу и удаляется. На рассвете поднимают апостолы Ее тело с одра и полагают его в гробнице и охраняют ее, ожидая пришествия Господня. И вот снова предстает перед ними Господь и, вознеся святое тело на Небеса, повелевает внести его в Рай, где ныне душа Ее, в радости вместе со избранными наслаждается вечным блаженством».

Итак, как повествует церковное предание, после Воскресения Спасителя Богоматерь некоторое время жила в Иерусалиме; затем, когда начались языческие гонения на Церковь, Она вместе с апостолом Иоанном Богословом пересе-

¹ Ряд авторитетных исследователей богословского наследия преподобного Максима (например, Ж.-К. Ларше) полагают, что этот сохранившийся только в древнегрузинском переводе текст мог быть написан Исповедником в ранний период его творчества; другие (например, протоиерей Эндрю Лаут) считают, что «Житие Девы» преподобному Максиму не принадлежит. На сегодняшний день в патрологической науке приоритетной является вторая точка зрения, хотя окончательного согласия по данному вопросу нет.

лилась в Ефес, откуда путешествовала на остров Кипр и на Афон. Незадолго до смерти Богородица вновь возвратилась в Иерусалим. Как утверждает в древних повествованиях об Успении, дом, где Она теперь поселилась, находился или же в Вифлееме, или же в самом Иерусалиме, на горе Сион. По свидетельству «Слова» архиепископа Иоанна Солунского, в последние годы Ее земной жизни рядом с Богоматерью неотступно пребывал принявший заботу о Ней по повелению Самого Господа апостол Иоанн Богослов. Мария часто и подолгу молилась в окрестностях святого града – в тех местах, что были связаны с событиями земной жизни Ее Сына и Спасителя. Как повествует апокрифическое «Сказание об Успении Святой Богородицы», приписываемое авторству апостола Иоанна Богослова, «Пресвятая Богородица и Приснодева Мария приходила, по обыкновению, к святому гробу Господа нашего воскурить фимиам и преклоняла святые колена Свои».

Вскоре Богоматерь сподобилась явления архангела, принесшего Ей от Божественного Сына весть о близящемся Успении. Различные древние тексты повествуют об обстоятельствах этого явления по-разному. Так, по свидетельству «Сказания об Успении», приписываемого Иоанну Богослову, архангел явился Богородице, когда Она молилась возле пустого гроба Господа. Автор сочинения «Об исходе Марии Девы», приписываемого святителю Мелитону Сардийскому, полагает, что это случилось в доме, где жила Богоматерь.

Различно говорят древние авторы и о том, кто был тот явившийся Пречистой Деве архангел. Так, в «Слове на Успение Богородицы» Иоанна, архиепископа Солунского, имя небесного вестника остается сокрытым от Богоматери. Во время чудесного явления архангела Мария прямо спрашивает его об имени, но ясного ответа не получает: «Что Ты ищешь моего имени? Оно удивительно для слышания». Здесь нам может прийти на память другой, ветхозаветный, рассказ о явлении ангела Маноя, будущему отцу могучего библейского Самсона. Тот древний таинственный ангел Господень, в ответ на вопрос Маноя: *как тебе имя? чтобы нам прославить тебя, когда исполнится слово твое*, ответил: *что ты спрашиваешь об имени моем? оно чудно* (Суд. 13: 17–18). Вместе с тем небесный вестник признается Богородице, что он – особый ангел, принимающий души умирающих праведников, смиряющихся пред Господом. А вот в апокрифическом «Сказании об Успении» Иоанна Богослова утверждает-ся, что Богоматери явился именно архангел Гавриил. «...Во время Ее молитвы отверзлись Небеса и сошел к Ней архангел Гавриил и сказал: „радуйся, Родившая Христа Бога нашего. Молитва Твоя, прошедшая в Небеса к Родившемуся из Тебя, принята; и Ты, по молитве Своей, оставив мир, взойдешь на Небеса к Своему Сыну, в жизнь истинную и неизменную“». В «Житии Девы» преподобного Максима также говорится, что это был Гавриил – тот самый архангел, который в день Благовещения принес Марии весть, что Ей над-

лежит безмужно зачать и девственно родить Спасителя мира. Потому-то он и обращается к Богоматери со словами: Господь «вновь послал меня принести Тебе благую весть, о, *Благословенная между женами* (ср. Лк. 1: 28). И как Ты исполнила живущих на земле радостью, о, *Благословенная*, так же теперь возрадуется о Твоем Успении небесное воинство и души святых еще больше просияют».

При этом, по свидетельству Иоанна Солунского, говоря Богородице о близящемся Успении и о той славе, что будет сопровождать это событие, ангел обещает Марии, что Богоматерь при Успении придут воспеть бесчисленные ангельские силы.

Тот ангел принес Деве еще и особый небесный дар: ветвь райской финиковой пальмы, сиявшую небесным светом и преисполненную благодатной славой. При вручении дара, по свидетельству архиепископа Иоанна Солунского, ангел сказал: «Приими сию финиковую ветвь, которую мне дал Насадивший рай... После трех дней изойдешь от тела... Апостолы узрят от Тебя славу, прежде чем принесут Тебя на место погребения». В «Житии Девы» преподобного Максима поясняется духовный смысл чудесного дара, который здесь соотносится с теми ветвями финиковых пальм, что держали в руках приветствовавшие Господа Иисуса Христа жители Иерусалима во время Его торжественного входа в город незадолго до Страстей: *множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли*

пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев! (Ин. 12: 12–13). Автор «Жития Девы» свидетельствует: «... архангел... принес Ей пальмовую ветвь, знак победы: как когда-то шли с пальмовыми ветвями навстречу Ее Сыну, Победителю над смертью и адом, так и архангел принес ветвь Святой Царице, знак победы над страданием и бесстрашия перед смертью».

После того как ангел исчез, Богоматерь совершила молитву на Масличной горе, на склоне которой находился Гефсиманский сад. Как повествует архиепископ Иоанн Солунский, во время Ее молитвы перед лицом славы Богоматери благоговейно склонились все росшие в саду деревья. С Иоанном Солунским согласен и автор «Жития Девы»: «во время Ее молитвы ко Господу все деревья, стоявшие там, в благоговении склонились до земли и поклонились Ей», воздав Богородице почести.

По окончании молитвы Богоматерь вернулась в Свой дом, неся в руках принесенную ангелом райскую финиковую ветвь. Архиепископ Иоанн Солунский свидетельствует, что, когда Богородица вошла в Свое жилище с блистающей небесным светом чудесной ветвью, от силы этого благодатного сияния поколебались стены дома.

Богоматерь показала прекрасную пальмовую ветвь находившимся при Ней христианским девам (приписываемый Иосифу Аримафейскому апокриф перечисляет их имена –

Сепфора, Авигея и Заила). Затем, по свидетельству «Жития Девы», Богоматерь «велела... приготовить дом и возжечь свечи и воскурить благовония, ибо Она украсила дом как брачный чертог, достойный принятия Ее Бессмертного Жениха и Всемиловитого Сына, потому что Она ждала [встречи с Ним] с непоколебимой надеждой. Когда это было сделано, Она известила Своих близких о тайне Своего Успения, и они собрались вокруг Нее. И они скорбели и оплакивали Ее расставание с ними, ибо после Бога Она была их Надеждой и Заступницей». Однако, в ответ на их слезы, Богоматерь говорила: «Радуйтесь, о блаженные чада, и не делайте Мое Успение поводом для скорби, но будьте полны величайшей радости, ибо иду в вечную радость, и пусть благодать и милость Господа пребудет с вами всегда». По рассказу архиепископа Иоанна Солунского, Богоматерь повелела апостолу Иоанну Богослову во время Ее близящегося погребения нести чудесную райскую ветвь перед гробом. Кроме того, Она завещала апостолу отдать все принадлежащее Ей имение, состоявшее всего лишь из двух одежд, двум бедным вдовицам. Богоматерь также просила евангелиста охранять по смерти и погребении Ее тело, ибо знала, что враждовавшие иудеи, узнав о близящейся кончине Богородицы, замыслили его похитить из гробницы и сжечь.

Затем, как повествует архиепископ Иоанн Солунский, служившие Богоматери Иоанн Богослов и девы по Ее просьбе зажгли на трехдневный срок в доме неугасимые светиль-

ники – до того момента, пока не свершится Успение Пречистой.

Тогда же, в согласии с рассказом архиепископа Иоанна Солунского, Богоматерь сподобилась и явления Самого Господа, Который в ответ на Ее слезные молитвы сказал: «Не плачь! За Тобой придут не ангелы, не херувимы, не серафимы, не иные власти, но Я Сам приду за Твоей душой».

Затем, как повествует апокрифическое «Сказание об Успении» Иоанна Богослова, Богородица обратилась к Господу с молитвой о том, чтобы Он послал к Ней обещанных Им через ангела апостолов – в какой бы они ни находились стране. И тогда, в ответ на это прошение Богоматери, Господь собрал ото всех концов мира Своих апостолов и на легких небесных облаках привел их к Марии. Апокрифическое «Сказание об Успении» утверждает, что среди них силой Святого Духа оказались даже те из учеников Христовых, что ко времени Преставления Богородицы уже почили, будучи умерщвлены за проповедуемое ими слово истины. Они были на время подняты Господом из гробов, чтобы стать, вместе с прочими апостолами, свидетелями и участниками события Успения Пречистой Владычицы. Апокриф повествует: «А те [апостолы], которые уже умерли, – Андрей, брат Петра, и Филипп, Лука, и Симон Кананит, и Фаддей, – возбуждены были Духом Святым из гробов. Им сказал Святой Дух: „Вы не думайте, что теперь наступает [всеобщее] воскресение, но для того вы восстали из гробов ваших, чтобы отправиться на

приветствие в честь и прославление Матери Господа и Спасителя вашего Иисуса Христа, потому что приблизился день исхода, взятия Ее на Небеса“». Не появился, как повествуют архиепископ Иоанн Солунский и преподобный Максим, лишь один апостол Фома.

Богоматерь возрадовалась явлению апостолов, благословила их и утешила учеников Христовых, опечаленных Ее близящимся исходом. При этом, по свидетельству «Жития Девы», Она сказала апостолам: «Радуйтесь, дети, друзья и ученики Моего Сына и Бога. Блаженны вы», которым «Он доверил служение таких тайн, и... разделить с Ним Его гонения и Страдания, так что Господь Славы сделает вас достойными иметь часть в Его Царстве и славе, как Он обещал и заповедал вам». А вот та благодарственная молитва Богоматери ко Господу о собравшихся возле Ее смертного одра апостолах, что приводит архиепископ Иоанн Солунский: «Благословляю Тебя, Источника всяческого благословения! Благословляю жилище Твоей славы! Благословляю Тебя, Дарователя света, вселившегося в Мою утробу! Благословляю все деяния Твоих рук, как Послушная Тебе и Повинующаяся Тебе! Благословляю любовь Твою, которой Ты нас возлюбил! Благословляю Твои слова жизни, исшедшие из Твоих уст и дарованные нам! Истинно верую, что исполнишь ради Меня то, о чем изрек! Сказал: „во время Твоего исхода от тела пошлю Тебе всех апостолов“ – и вот они собрались, и Я посреди них как Лоза Плодовитая... Пусть исполнится и

иное Тобой обещанное: „Сам приду, когда будешь исходить от тела“».

Затем Богоматерь показала апостолам все приготовленное для Ее погребения, а также чудесную райскую ветвь, после чего, как свидетельствует «Житие Девы», ученики Христовы, по вдохновению Святого Духа, начали возвышенно богословствовать, прославляя и воспевая Марию, через посредство Которой миру было даровано спасение в Ее Божественном Сыне. Здесь же присутствовали и епископы Древней Церкви (например, священномученик Дионисий Ареопагит), пресвитеры, а также горячо почитавшие Богоматерь многочисленные простые христиане.

Апокрифическое «Сказание об Успении» Иоанна Богослова повествует: «И подняв руки к небу, Она так молилась: „Поклоняюсь, славословлю и прославляю преславное Твое имя, Господи, что призрел на смирение рабы Своей и сотворил Мне великое, Сильный: и вот ублажают Меня все роды“. После молитвы сказала Она апостолам: „положите фимиам и молитесь“. И когда они молились, слышен был гром с неба и произошел страшный шум как бы от колесниц; и вот явилось великое воинство ангелов и сил, и слышен был глас как бы Сына Человеческого, и серафимы [явились] вокруг дома, в котором возлежала Святая Непорочная Матерь Божия и Дева, так что все бывшие... видели все сии чудеса и» затем «возвестили их» в Иерусалиме. В это время здесь «слепые прозревали, глухие слышали, хромы ходили, прокаженные

очищались и исцелялись одержимые нечистыми духами. И все страждущие [какой-либо] болезнью или немощью – кто, прикасаясь к наружности стены, где Она [Мария] возлежала, восклицал: „Святая Мария, родившая Христа Бога нашего, помилуй нас!“ – тотчас исцелялись...»

И вот наконец наступило время Успения Пречистой Девы, совершившееся, как свидетельствуют апокрифы, приписываемые Иосифу Аримафейскому и Иоанну Богослову, в воскресный день. Как говорит архиепископ Иоанн Солунский, то был третий час дня. Тогда возгремел великий гром, распространилось дивное благоухание, и на облаке явился Господь со множеством ангельских сил. Он вошел в дом и принял на руки душу Богоматери. Потом Господь повелел Петру завернуть тело Богородицы в погребальные пелены, изнести из города, положить в новом гробе и неотступно пребывать возле Ее гроба, как Она и заповедала апостолам.

Автор «Жития Девы» рассказывает о пришествии Господа в дом Иоанна, где ныне находилась Богоматерь, и о реакции на это грозное явление апостолов: «Тогда апостолы ужаснулись, и пали на землю, как мертвые (ср. Мф. 17: 6). Но Господь сказал им: „мир вам“, как сказал и прежде, когда вошел через закрытые двери (ср. Ин. 20: 19, 26), ибо в то время они также были собраны вместе в доме Иоанна: тогда из-за страха перед евреями, а теперь ради Успения Богородицы. Когда апостолы слышали сладкий и отрадный голос Господа, они восстали, и укрепились душой и телом, и бла-

гоговейно стали взирать на сияние славы Его и Божественно прекрасный Его лик. И хотя Всесвятая, Непорочная и Благословенная Матерь Христова была преисполнена радости и Ее славное лицо просветилось сиянием и Божественной славой, но и Она также взирала со страхом и благоговением на славу и сияние, исходящие от Ее Царя и Сына Иисуса Христа».

А вот что повествует о совершившемся апокрифическое «Сказание об Успении» Иоанна Богослова: «И в самый воскресный день Матерь Господа говорит апостолам: „Положите фимиам, потому что грядет Христос с ангельским воинством“. И вот приближается Христос, сидящий на престоле херувимов. И когда все... молились, явились бесчисленные сонмы ангелов и Господь... с силою многою. И вот поток сияния света низошел на Святую Деву от присутствия Единородного Сына Ее, и [тогда] падши, поклонились Ему все силы небесные. И громко возгласив к Матери Своей, Господь сказал: „Мариам!“ Она отвечала: „Вот Я, Господи!“ И сказал Ей Господь: „Не печалься, но да возрадуется и возвеселится сердце Твое; ибо Ты обрела благодать зреть славу, данную Мне от Отца Моего“. И, возрев, Святая Матерь Божия увидела на Нем ту славу, которую уста человеческие не в состоянии ни изречь, ни воспринять... Матерь же Господа говорила Ему... „Возложи, Господи, десницу Твою и благослови Меня“. И, распростерши Свою пречистую десницу, Господь благословил Ее. Она же, держа пречистую Его десни-

цу, лобызала ее, говоря: „Почитаю десницу сию, устроившую небо и землю, и имя Твое призываю, Христе Боже, Царю веков, Единородный от Отца; приими Рабу Твою, Благоволивший по неизреченному Твоему устроению родиться от Меня, Смиренной, для спасения рода человеческого. Всякому человеку, который станет призывать, или умолять, или называть имя Мое, подай ему помощь Твою“. Когда Она это говорила, пришли апостолы к Ее ногам и, поклонившись, говорили: „Матерь Господа, оставь благословение миру, отходя от него; ибо Ты была Виновницей благословения мира и составила погибших, когда родила Свет мира“. Обратившись же с молитвой, Матерь Господа... говорила так: „Боже, по многой Своей благодати ниспославший с Небес Единородного Сына Своего обитать во смиренном Моем теле, удостоивший родиться [Ему] от Меня, Смиренной, помилуй мир и всякую душу, призывающую имя Твое“. Потом еще помолившись, сказала: „Господи Царю Небес, Сын Бога Живого, приими всякого человека, призывающего имя Твое, чтобы прославилось Рождество Твое“. И опять помолившись, говорила: „Господи, Иисусе Христе, Всемогущий на небе и на земле, [ради] имени Твоего святого со смущением прошу [Себе] такого утешения: во всякое время, в каком бы месте ни вспоминали имя Мое, освяти Ты место сие и прославь прославляющих Тебя через имя Мое, прими всякое их приношение, всякую просьбу и всякую молитву“. Когда Она молилась об этом, Господь сказал Своей Матери: „Радуйся и да

возвеселится сердце Твое; ибо всякая благодать и всякий дар даны Тебе от Отца Моего Небесного, и от Меня, и от Святого Духа. Всякая душа, призывающая имя Твое, не постыдится, но обретет милость и утешение, воздаяние и дерзновение перед Отцом Моим Небесным и в настоящем веке, и в грядущем“. Потом, обратившись к Петру, Господь сказал: „Пришло время начать песнопения“. Когда Петр начал песнопения, все силы небесные подпевали: „Аллилуия“. И тогда лицо Матери Господа просияло ярче света; восстав, Она благословила своей рукой каждого из апостолов; и воздали все славу Богу. А Господь, распростерши Свои пречистые Руки, принял святую и непорочную Ее душу».

При этом, как свидетельствует «Житие Девы», Богоматерь не испытала в миг кончины какого-либо страха или же смертных мук, но как будто «уснула сладким и приятным сном». Все в Ее земной жизни было удивительным, превосходящим законы естества: и безмужное Зачатие, и девственное, не сопровождающееся болями Рождество Бога Слова, и подобное безмятежному сну Успение: «Как избежала Она болезней рождения в несказанном Рождестве, так и боли смертные не достигли Ее во Успении, ибо как тогда, так и сейчас Царь и Господь природы изменил ее законы».

Архиепископ Иоанн Солунский говорит, что Господь по исходе души Богоматери от тела передал ее архангелу Михаилу и тот вознес душу Пречистой Девы на Небо. А вот в «Житии Девы», напротив, утверждается что душу Богороди-

цы возвел на Небеса Сам Ее Сын.

Интересно, что по рассказу приписываемого святителю Мелитону Сардийскому сочинения «Об исходе Марии Девы», апостолы попросили Господа воскресить Богородицу и переселить Ее в рай. При этом Господь Сам указал им место Ее погребения – в долине Иосафатовой, в русле потока Кедрон, где находился Гефсиманский сад.

Итак, после кончины Богоматери апостолам, по повелению Господа, надлежало совершить погребение пречистого тела Матери Божией. Как повествует апокрифическое «Сказание об Успении» Иоанна Богослова, для совершения погребения «все двенадцать апостолов несли святое и честное тело Богородицы с псалмопением из дома на горе Сион, в Иерусалиме, в Гефсиманию через долину Иосафатову». В «Житии Девы» об этом шествии говорится: «...Петр начал пение, и весь собор апостолов присоединился к нему и силы Небесные пели с ними незримо, и воздух сиял, и благоухали лампы и благовония. Тогда святые апостолы взяли священный одр на свои плечи и ведомые Духом Святым направились в Гефсиманию, как Богородица ранее и заповедала. Ангелы следовали перед ними, вокруг и сзади, покрывая их своими крылами. Апостолы пели гимны, и все верные вторили им с верою». В это время, как повествуется в том же «Житии Девы», навстречу одру Богородицы вышли толпы иерусалимлян, подобно тому, «как и прежде, когда толпы чистых детей вышли навстречу Христу, Царю всего сущего»

при Его Входе в Иерусалим «с ветвями финиковых пальм и говорили: *Осанна! Благословен Тот, Кто приходит во имя Господне, Царь Израилев!* (ср. Мф. 21: 9; Ин. 12: 13)».

Во время шествия апостолов за ними с яростью и гневом наблюдали иудейские старейшины. Тогда же произошло и удивительное чудо, обычно изображаемое на иконах Успения Пресвятой Богородицы. Вот как о нем повествуется в апокрифическом «Сказании об Успении» Иоанна Богослова: «И во время переноса Ее один знатный еврей, по имени Иефания, устремился, чтобы сбросить тело с носилок, которые несли апостолы. Но ангел Господень невидимо огненным мечом отсек у него обе руки начиная с плеч и оставил их висящими в воздухе на гробе. Когда произошло это чудо, все множество видевших оное иудеев воскликнуло: „Действительно истинный есть Бог, родившийся от Тебя, Богородица Приснодева Мария“. И сам Иефания по приказанию ему Петра для возвещения Божиих чудес стал позади гроба и зывал: „Святая Мария, родившая Христа Бога, помилуй меня“. Петр же, обратившись к нему, сказал: „Во имя Родившегося от Нее да присоединятся руки, отделившиеся от тебя“. И тотчас по слову Петра руки, висящие на гробе Владычицы, отделились от него и присоединились к Иефании. Тогда уверовал и сам он и прославил Христа Бога, родившегося от Нее».

Архиепископ Иоанн Солунский прибавляет к этому рассказу некоторые новые подробности. Так, например, он при-

водит ту мысль, что побудила иудея дерзнуть приступить к одру Богородицы и попытаться его перевернуть, сбросив тело Богоматери на землю: «Вот Жилище Разорившего законы наших отцов, и какую Она имеет страшную славу [во время Своего погребения]». В «Житии Девы» преподобного Максима также приводится более подробный, чем в апокрифическом «Сказании об Успении», рассказ об этом чуде. Вот как оно описывается: иудей «добрался до святых апостолов, которые несли Сокровищницу Небес, содержащую в Себе неместимую и безграничную природу [Сына Божия]. Он простер свои нечистые руки и схватился за одр, на котором лежало непорочное тело Препоблагословенной Царицы, перед Которой даже ангелы трепещут, на Которую даже херувимы смотрят с благоговением. Этот одр тот дерзкий и глупый человек попытался сбросить на землю. О, жестокая душа! О, безумный ум! Но сразу же он увидел справедливое возмездие за свои деяния, ибо в самый момент прикосновения рук его к святому одру обе руки были мгновенно оторваны от плеч, когда он осмелился приблизиться к Той, на Кого он даже не был достоин смотреть. Гнев Божий обрушился на него... А потом тот, кто изначально был охвачен великой глупостью и относился к [числу] врагов и клеветников Бога, когда он был наказан сообразно своим делам, устыдился. И он познал [истину] и обратился он от прежнего порицания к вере, а его нечестивая зависть [изменилась] в страх и раскаяние, и его клеветы и злословия – в раскаяние и мо-

литву. Он больше не способен был воздеть руки в молитве, но с пламенными слезами и покаянным голосом он воззвал к Пресвятой Богородице и попросил милости. Но Тот, Кто является Причиной всего сущего и Источником всякой радости, не пожелал причинять страдание, отчаяние, плач и нескончаемую скорбь грешнику, но малыми ранами плоти Он исцелил неизлечимые раны души и сделал его достойным стать христианином и – по благодати крещения – быть названным чадом Божиим. Затем Он милостиво исцелил нанесенную рану, ибо когда справедливо наказанный еврей понял свою ошибку, он начал каяться и молиться с пламенными слезами, и он призывал имя Христово и Его Святой Матери Марии. Святой апостол Петр повелел, чтобы святой одр был опущен, и все они зывали к Святой Богородице с молитвами и прошениями, и они привели перед Ней ураненного грешника, сокрушенного и кающегося, с кровью из ран и залитого слезами. Затем он прикоснулся к святому одру, уже не как прежде, но он молился со страхом и трепетом. И благословенный Петр положил отрубленные руки на их место, и тотчас же по благодати Христа и Его Всесвятой Матери оторванные от плеч руки приложились и прикрепились к его телу. И не только исчезли боли и страдание, но и не осталось даже и следа от ран. С этого момента тот человек уверовал во Христа, и он был крещен и присоединился к числу верных и прославлял Христа и Его Всенепорочную и Славную Матерь. Это чудо, внезапная рана и быстрое исцеление

укрепили веру многих из сомневавшихся и обратили многих иудеев к вере, и они исповедали, что Распятый ими, Иисус Христос Господь, был Богом, и провозглашали Его Святую Матерь Богородицей».

Архиепископ Иоанн Солунский также добавляет к истории о наказанном и обратившемся к Христовой истине иудее, что тот стал громко провозглашать исполнившиеся ветхозаветные пророчества о Богоматери. Затем апостол Петр дал ему часть побегов от райской пальмовой ветви и повелел войти в Иерусалим и проповедать случившееся; многие из иудеев, которых он здесь встретил, были только что также, подобно ему, наказаны неким грозным небесным ангелом — их постигла слепота; тем из них, кто верил слову проповеди этого обратившегося ко Христу иудея, исцелившийся прикладывал к невидящим глазам пальмовые побеги, и слепцы тотчас же прозревали.

Затем, в согласии с рассказом апокрифического «Сказания об Успении» Иоанна Богослова, «апостолы принесли одр и положили честное и святое тело Богородицы в Гефсимании в новом гробе. И вот миро благоухания распространилось из святого гроба Владычицы нашей Богородицы. И до трех дней слышны были голоса невидимых ангелов, славящих родившегося из Нее Христа Бога нашего... Из того места... исходили многие благоухания и такой свет, что нет ничего ярче сего света». При этом, по свидетельству архиепископа Иоанна Солунского, апостолы, совершив погребение

ние тела Пречистой, неотступно пребывали возле гробницы в течение трех дней, так как знали о намерении враждовавших иудеев похитить тело и предать его сожжению.

Итак, апостолы по смерти Богородицы положили Ее тело в гробнице-пещере, завалив вход большим камнем. На третий день к ним присоединился отсутствовавший в день Успения Фома, который очень горевал оттого, что не успел проститься с Божией Матерью. По его слезной мольбе апостолы отвалили от входа в пещеру камень, чтобы и он смог попрощаться с телом Умершей, поклониться ему и облобызать. Но, к их удивлению, они не нашли тела Богоматери внутри пещеры. Здесь лежали только Ее одежды, от которых исходило удивительное благоухание. Как повествуется в «Житии Девы», Фома пришел на третий день и нашел прочих апостолов «поющими перед святой гробницей, и он тоже услышал ясный и сладкий звук ангельского пения. И он умолял святых апостолов открыть досточтимый гроб, чтобы мог он обнять всесвятое тело Славной Богородицы. Велением Святого Духа благословенные апостолы вняли мольбе своего брата и с трепетом открыли святой гроб. Но когда они его открыли, то не нашли славного тела Святой Матери Христовой, ибо оно было взято туда, куда пожелал Ее Сын и Бог. Ибо как Сам Он был положен во Гроб, когда претерпел Смерть по плоти ради нашего спасения и славно восстал на третий день, так пристало поместить во гроб и непорочное тело Его Матери и также привести его в вечное нетление, как Он хотел, что-

бы оба состава [душевный и телесный] снова соединились воедино, ибо так угодно было Создателю всего сущего почитать Родившую Его... Итак, гроб оказался пустым. Они нашли только погребальные плащаницы и пелену, в которой они упокоили Ее, а тела Непорочной Девы там не было, но оно было воздвигнуто к Ее Сыну и Богу, чтобы Ей в целости жить и царствовать с Ним, и таким образом наша [человеческая] природа была вознесена на Небеса в Вечное Царство не только Ее Сыном, но и Непорочной Матерью. Тогда благословенные апостолы исполнились изумления и радости и поняли, что опоздание одного из апостолов произошло промыслительно для откровения сего таинства, чтобы ради него был открыт гроб и сделалось известным о взятии святого тела. И они прославили Христа, Который в полной мере прославил Свою Всесвятую и Непорочную Матерь, ибо они были исполнены света и благоухания из святого гроба, в котором тело Святой Девы, что шире небес, было положено, сияние же и благоухание распространились по всей Гефсимании. И они опять закрыли святой гроб, и Успение Пресвятой Богородицы было возвещено всему миру».

Интересно, что в некоторых древних церковных повествованиях о событиях Успения – например, в «Житии Девы» преподобного Максима – утверждается, что воскресение Богородицы произошло не на земле, но именно в Небесном Царстве. На третий день по смерти Пречистой Господь вознес Ее пречистое тело из опустевшего гроба в Свое Горнее

Царство и именно здесь воссоединил Ее душу и плоть, вернул их к единству общей жизни. Однако позднейшая церковная традиция чаще всего описывает воскресение Девы иначе: именно как совершившееся на третий день по Ее Успении восстание из гроба в Гефсимании.

Мы видим: Православная Церковь учит о том, что Богородица на третий день по Успении оказалась воскрешена силой Божией – как воскрес и Ее Божественный Сын, и телесно вознесена на Небо – как на сороковой день по Воскресении вознесся на Елеонской горе и Господь. Однако в Православии учение о воскресении Богородицы и о Ее вознесении на Небо, в отличие от Католической Церкви, не догматизируется и не излагается столь рационально, как на Западе.

Данное церковное предание тесно связано и с твердой христианской верой в грядущее – в день Второго Пришествия Господня – общее воскресение, когда, по слову апостола Павла, Сам Христос наше воскресшее тело *преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все* (Флп. 3: 21). Это как раз и совершилось в лице Богородицы; правда, Богородица, по выражению замечательного русского богослова XX столетия Владимира Николаевича Лосского (очерк «Всесвятая»), в отличие от всех прочих людей, так же как и Она, предназначенных Творцом к воскресению, находится «по ту сторону смерти, воскресения и Страшного суда» уже сегодня, «прежде конца мира».

Церковный праздник Успения Пресвятой Богородицы

Праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа ст. ст. / 28 августа н. ст.) – одно из важнейших двенадесятых годовичных торжеств, посвященных церковному прославлению Божией Матери. Праздник предваряется недолгим, но довольно строгим Успенским постом (он начинается 1 августа ст. ст. / 14 августа н. ст. – в день, отмеченный в церковном календаре как торжество Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня).

В древности празднику усваивались различные названия: Успение (фактически – погружение в сон) Богородицы, Вознесение Богородицы, Преставление (понятие, одновременно означающее и кончину, и переселение, перемещение) Богородицы.

Известно (об этом сообщает «Евфимиева история», написанная, вероятно, в VI столетии), что в середине V века император Маркиан (450–457) и святая императрица Пульхерия положили в новопостроенном храме в честь Пресвятой Богородицы во Влахернах (450–453) найденные в Гефсимании, в чтимой иерусалимскими христианами гробнице Богоматери, Ее погребальные пелены. Вероятно, с этого времени и начинает церковно прославляться Успение Пресвятой Богородицы, еще не имевшее определенной даты праздни-

вания.

В источниках, содержащих сведения о литургической практике Древней Церкви, первые достоверные сведения о празднике Успения как об особом богослужебном торжестве встречаются лишь с конца VI столетия. Правивший тогда император Маврикий (592–602) сделал это торжество общецерковным, отмечаемым по всей Византийской империи. Именно по распоряжению Маврикия был построен и храм в Гефсимании – над гробницей Богородицы. Тогда же в Иерусалиме и в Константинополе была закреплена нынешняя дата празднования Успения – 15 августа по юлианскому календарю. В Иерусалиме этот праздник заменил собой древнее торжество в честь Богоматери, более общее по своему смысловому содержанию, во время которого прославлялось материнство Марии. А вот, например, в Египте праздник Успения начал отмечаться в VI столетии в другое время года – зимой, в январе. Наиболее же частые упоминания о празднике Успения встречаются в византийских исторических и церковных источниках с VIII столетия.

На Западе Успение стали впервые праздновать с VI столетия – в Галлии, а затем – в VII веке – и в некоторых других областях. С середины IX века Успение отмечали на христианском Западе как одно из важнейших богородичных торжеств церковного года, однако повсеместное распространение в латинской богослужебной традиции оно получило лишь к началу XI столетия.

Тропарь праздника: «В Рождестве девство сохранила еси, во Успении мира не оставила еси, Богородице, представилася еси к животу, Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша». Перевод тропаря на русский язык: «Богородица, Ты при Рождении Христа сохранила девство и после смерти не оставила мира; Ты перешла к жизни, будучи Матерью Жизни (то есть Христа, даровавшего всем вечную жизнь, и Самого именуемого Жизнью; ср. Ин. 11: 25; 14: 6), и Своими молитвами избавляешь от смерти души наши». В тропаре говорится о чудесных обстоятельствах Рождества Христова, определивших и те удивительные события, что сопровождали Успение Богоматери. Став Матерью Бога как Источника и Подателя жизни для всего существующего и родившая Саму Жизнь, Она не могла окончательно умереть – в привычном смысле этого слова – но, испытав лишь краткий опыт смерти, затем перешла от временной жизни к истинной, подлинной, вечной.

Кондак праздника: «В молитвах неусыпающую Богородицу и в предстательствах непреложное Упование, гроб и умерщвление не удержаста: якоже бо Живота Матерь, к животу престоави, во утробу Вселивыйся приснодевственную». Перевод кондака: «Богородицу, неустомимую в молитвах и непоколебимую Надежду в ходатайствах, гроб и смерть не удержали [в своем плену], ибо Вселившийся в Ее вечнодевственную утробу переселил Ее к жизни, как Матерь Жизни (то есть Матерь Самого Христа)».

Один из древнейших византийских канонов праздника Успения был составлен святителем Андреем Критским. Однако позднее канон святителя Андрея оказался вытеснен из богослужебного употребления канонами преподобных Космы Маюмского (2-я половина VII века – около 752 года) – первый канон и Иоанна Дамаскина (2-я половина VII века – около 750 года) – второй канон, им же создана одна из стихир на литии. Кроме того, отдельные стихиры службы принадлежат перу святителя Германа, патриарха Константинопольского (между 630–650 – до 754), – стихира на литии; преподобного Феофана Начертанного (около 778–845) – стихира на литии; императора Льва VI Мудрого (866–912; император – 886–912) – стихира после Евангелия на утрени.

В канонах и стихирах праздника подчеркивается радостный характер события Успения Богоматери. Здесь нет скорби об Умершей, но присутствует подлинное ликование победы над смертью: «Приидите, вси концы земнии, честное преставление Богоматере восхвалим: в руце бо Сына душу непорочную положи. Темже святым Успением Ея мир оживотворися, во псалмех, и пении, и песнех духовных со безплотными и апостолы празднует светло»². Русский перевод: «Придите, все пределы земли, священное преставление Богоматери восхвалим, ибо в руки Сына Она непорочную душу отдала; потому святым Успением Ее мир оживотворился, псалмами, и гимнами, и песнями духовными с бесплотными

² Великая вечерня. 4-я стихира на литии.

[ангельскими силами] и апостолами празднует светло!»

Во время службы читаются некоторые тексты Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Так, на великой вечерне прочитываются три паремии – ветхозаветные тексты, являющие нам древние библейские прообразы воспоминаемого ныне в церкви события, а также пророчески рисующие меру святости, призвание в деле нашего спасения и духовное совершенство Пречистой Девы.

Первая паремия (Быт. 28: 11–17) повествует о чудесном видении ветхозаветным патриархом Иаковом лестницы от земли к Небу. Под Лестницей, восходящей от земли к Престолу Божию, символически понимается Сама Богоматерь, как соединившая Небо и землю, примирившая их через Рождество от Нее Богочеловека Христа, а также как низводящая в Своем девственном Зачатии и Рождестве к Нам с Небес Бога и возводящая и нас самих к Нему на Небеса.

Вторая паремия (Иез. 43: 27; 44: 1–4) содержит фрагмент большого и таинственного видения, открывшегося пророку Иезекиилю. Речь идет о неких таинственных закрытых Вратах храмового святилища, через Которые должен войти Господь и Которые при этом по-прежнему остаются закрытыми. Здесь, по мысли церковных толкователей, содержится пророчество о Богоматери, Которая, будучи девственна до Рождества Христова, остается Девой и по Рождестве Спасителя. Как пишет в «Толковании на книгу пророка Иезекииля» блаженный Феодорит Кирский (V век), «в сем образе пророк

дает нам проразуметь девственную утробу, в которую никто не входит и не исходит, кроме Самого только Владыки [Бога]».

Третья паремия (Притч. 9: 1–11) символически изображает Божественную Премудрость, устроившую Себе дом на семи прочных столпах. Премудрость Божия, по церковному толкованию, это Второе Лицо Пресвятой Троицы, Сын Божий. Он устраивает Себе дом, под которым обыкновенно понимается или Новозаветная Церковь, или Пресвятая Богородица, от Которой Ему надлежит родиться. Как говорит в «Слове на Рождество Пресвятой Богородицы» преподобный Феодор Студит, «Творцу всего устроен Храм для принятия Его; Создателю-Слову приготовлен гостеприимный Дом; для *Солнца правды* (Мал. 4: 2) распростерто светлое Облако».

На утрени читается обычный для Богородичных церковных праздников отрывок из Евангелия от Луки (1: 39–49, 56). В нем рассказывается о посещении Богоматерью Ее родственницы Елисаветы – будущей матери святого Иоанна Предтечи. Богоматерь здесь преисполнена подлинного величия и возносит возвышенную хвалу Богу. И вместе с тем она исполнена и чувства глубокого смирения и благодарности Своему Творцу.

Апостольское чтение праздника Успения на литургии – одно из распространенных Богородичных новозаветных чтений. Здесь используется отрывок из Послания апостола Пав-

ла к Филиппийцам (2: 5–11). В этом фрагменте содержится одна из самых возвышенных сторон учения о Воплощении Сына Божия, Который добровольно *уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек* (Флп. 2: 7). Этот отрывок читается в дни Богородичных праздников потому, что он говорит о смысле Вочеловечения Христа, совершившегося именно через посредство Богоматери. Кроме того, апостол Павел призывает здесь своих читателей к тому подлинно глубокому смирению и послушанию Богу, что как раз и были присущи Божией Матери, подобно тому как и Ее Вочеловечившийся Сын *смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2: 8). Мы знаем: благодаря Своим совершенным смирению и послушанию Небесному Отцу, Бог Сын – силой Собственной Крестной Жертвы – оказался по Своему человечеству превознесен превыше всякой твари: *Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних* (Флп. 2: 9–10); но ведь и кроткая смиреннейшая Мария также – во образ силы, славы и торжества над смертью Ее Божественного Сына – была превознесена с Ним и в Нем над всем творением, сделалась «Честнейшей херувим и Славнейшей без сравнения серафим». Так что слова апостола Павла, сказанные им о Христе, могут быть отчасти отнесены и к Его Матери, перед Чьими небесной славой и пресвятым именем ныне благоговейно склоняется все тво-

рение.

Евангельский отрывок, читаемый за праздничной литургией Успения, – общепринятое в Церкви Богородичное чтение – рассказывает о посещении Господом дома двух сестер Марфы и Марии (Лк. 10: 38–42; 11: 27–28). Прямое отношение к образу Богоматери здесь имеет окончание чтения, где звучит свидетельство некоей женщины: *блаженно чрево, носившее Тебя [Христа], и сосцы, Тебя питавшие* (Лк. 11: 27). В начале же отрывка Господь говорит о преимуществе тех, кто слушает слово Божие и исполняет волю Христа, а не тех, кто печется лишь о земном. Конечно же, именно Богоматерь является в Церкви идеалом такого послушания Богу и исполнения Его воли. Именно в этом одна из двух сестер – одноименная Богоматери Мария, превосходит другую – Марфу.

В Русской Церкви с праздником Успения напрямую связан достаточно поздний богослужебный обычай – служба Погребения Пресвятой Богородицы. Эта служба существует лишь в некоторых из Поместных Церквей, например в Иерусалимской Церкви, где при совершении богослужебного чина обычно используется деревянная ростовая икона Богоматери. В других Поместных Церквях (например, в Русской Церкви) за богослужением Погребения используется тканая икона Божией Матери – плащаница, изображающая лежащую во гробе Богородицу. Этот богослужебный обычай, в целом повторяющий по форме чин Погребения плащаницы Спасителя на утрне Великой Субботы, известен с XV сто-

летия. На Руси он получил широкое распространение в XVI веке. Однако в своем окончательном виде чин Погребения Божией Матери получил хождение в Русской Церкви лишь в середине XIX столетия. Тогда при участии святителя Филарета Московского был осуществлен перевод с греческого на церковнославянский язык принятого в Иерусалимской Церкви чина Погребения. В существующей ныне русской богослужебной практике этот чин совершается на третий (иногда – на второй) день праздника Успения. По образцу утрени Великой Субботы перед Погребением плащаницы Богоматери в храме прочитываются особые «похвалы», посвященные Богородице и Ее Успению. Затем плащаницу торжественно обносят вокруг церкви.

Святоотеческие проповеди на Успение Пресвятой Богородицы

Празднику Успения Пресвятой Богородицы посвящен ряд замечательных, ярких, богословски глубоких святоотеческих гомилий. Они зачастую содержат краткий рассказ об историческом событии Успения Пречистой Девы, а также касаются роли Богоматери в Домостроительстве нашего спасения; личного духовного и нравственного совершенства Марии; взаимной и непреходящей любви Господа и Его Матери; участия ангельских сил в Божественном Промысле о мире и о человеке; преодоления в Успении силы, власти и ужаса смерти; радости и торжества воскресения Марии; славы Всесвятой в Ее Небесном восхождении; непрестанной заботы Всемиливой Госпожи об искупленной Ее Божественным Сыном вселенной и о каждом христианине.

Дошедшие до нас древние гомилии на Успение – это по преимуществу творения византийских отцов Церкви. Западные проповеди на Успение первого тысячелетия крайне немногочисленны (среди редких примеров – «Проповедь на Успение Блаженной Марии Девы», приписываемая блаженному Августину, но ему не принадлежащая). Что же касается гомилий на Успение византийских авторов, то они принадлежат таким святым отцам, как святитель Герман, патриарх Константинопольский (три проповеди, первая треть

VIII столетия), святитель Андрей Критский (три проповеди, первая половина VIII века), преподобный Иоанн Дамаскин (три проповеди, первая половина VIII столетия), преподобный Феодор Студит (рубеж VIII–IX столетий), святитель Климент Охридский (конец IX – начало X века), святитель Григорий Палама (1351–1357 годы), святитель Филофей Коккин (третья четверть XIV столетия), святой праведный Николай Кавасила (середина – вторая половина XIV столетия), святитель Геннадий Схоларий (1464 год). И конечно же, немало замечательных проповедей на Успение было произнесено святыми отцами Нового и Новейшего времени. Некоторые из них публикуются в этой книге: проповедь святителя Димитрия Ростовского (1693 год), слова святителя Филарета Московского (две проповеди 1851 и 1852 годов), святителя Иннокентия Херсонского и Таврического, святителя Феофана Затворника (1864 год), святого праведного Иоанна Кронштадтского и произнесенная уже в XX столетии проповедь священномученика Сергия Мечёва.

Следует подчеркнуть: главное чувство, которым наполнены все святоотеческие успенские проповеди, – радость. Радость о той смерти, которая хотя и возобладала в Его Пречистой Матери, но на самом деле в Ней преложилась, преобразилась именно в Успение – временный и краткий, мирный и святой сон. О той смерти, которая уже не есть безысходность разлуки души и тела, горькая лишенность земного существования. Ныне смерть явила себя в Богоматери в абсолютно

новом качестве – как недолгий покой ожидания близящегося воскресения, как благой залог совершенной полноты жизни в Боге. И затем, на третий день по Успении, эта жизнь восторжествовала в Богородице – по воле Ее Божественного Сына – как в Воскресшей из гроба в обновленном единстве душевного и телесного природных составов. Да, в день Успения о разлуке с Нею плачут апостолы. Да, у смертного одра Марии горюют прислуживавшие Ей девы. Но их скорбь временна, преходяща и мимолетна. Потому что нынешняя кажущаяся разлука Успения как раз и дарует всем христианам куда более тесный, чем прежде, совершенный духовный союз с Богоматерью, неразрывное единение с Нею по благодати: как обновленное торжество взаимной любви Матери и обретаемых Ею сегодня, по дару усыновления, бесчисленных чад – живущих на земле христиан. Отныне Она – Мать, Заступница и Ходатаица за всех нас на Небесах пред Богом. Теперь Она – Надежная Соработница и Помощница каждого в деле спасения. Мы слабеем, и Она оказывается нашей Твердыней. Мы колеблемся, и Она делается нашей Опорой. Мы унываем, и Она обращается в наше Утешение. Мы сомневаемся – и вот Она наше Уверение. Нас гнетет страх, и тогда Она – наша Смелость. Если мы терпим поражение от духовной тьмы и греха и ищем благодатной помощи, то Она приходит к нам, как наша Всемошная Защита и Духовная Победа. Мы жаждем Неба – и Она возводит нас на это Небо, и Сама становится для спасаемых Небом, на Котором мы во-

дворяемся во Христе.

«О, дивное чудо! Источник Жизни во гробе полагается, и лестница к Небеси гроб бывает», – воспевают Церковь в стихирах праздника Успения³, тем самым провозглашая парадоксальность вспоминаемого события. Сегодня смерть есть начало жизни. Разлука любящих – это их радостная встреча. Разделение души и тела – залог их совершенного и непреходящего единения. Охладевшая мертвая плоть – жаркий источник благодати. Схождение во глубину гроба – лестница и путь на Небеса. Как раз об этом и не устают повторять в проповедях на праздник Успения святые отцы. Поражаясь не постижимости события Успения, они призывают нас разделить с ними эту дивную радость о преобразившейся во временный и сладостный сон смерти Пречистой Девы и, обступив Ее гроб, с благоговением припасть к истекающим из него потокам животворящей Божественной благодати.

³ Великая вечерня. 1-я стихира на «Господи, воззвах».

Святоотеческие проповеди на Успение: Матерь, Родившая Бога

Святые отцы в проповедях, посвященных Успению Пресвятой Богородицы, событию, в котором человеческому роду в предельной мере – явно и зримо – открылись слава и величие Богоматери, не перестают свидетельствовать о той важнейшей роли, что принадлежит Пречистой Деве в Божественном Домостроительстве нашего спасения. Богоматерь здесь прославляется прежде всего как Родившая в мир Истинного Бога, Сына Божия, Третье Лицо Бога Троицы по Его человечеству. Как говорит, обращаясь к Ней во «Втором похвальном слове на Успение» преподобный Иоанн Дамаскин, «подлинно блаженна Ты, Всеблаженная. Ибо Кто, как не [Бог] Слово, был принесен [Тобой], чтобы претерпеть то, что Он задумал совершить?»

Мы знаем: и дело нашего Искупления Богом Словом от греха и смерти, и осуществленное Им в Вочеловечении исцеление нашей природы, и учреждение в мире Христом источника спасительной благодати – Его Церкви, и дарование Сыном Божиим людскому роду евангельского учения не могли бы осуществиться без участия Той, что безмужно зачала и затем девственно родила в мир Истинного Бога и, по выражению святителя Климента Охридского («Похвальное слово на Преставление Святой Владычицы нашей Богородицы»), сде-

лалась «Пространным Вместилищем невместимого [Божественного] естества». Потому-то святитель Герман Константинопольский в «Слове втором на святое Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии», обращаясь к Пречистой, утверждает: «Никто не искуплен иначе, как через Тебя, Богоматерь». Именно через Ее посредство совершилось наше спасение, примирение с Богом. Святитель Андрей Критский, обращаясь к Марии в «Слове третьем на Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы», благодарно говорит: «Ты – Прекраснейшее Жилище сошедшего к нам Бога, Ты – Земля, воистину, желанная: ибо Царь славы, вселившись в Тебя, *с нами обитал* (ср. Ин. 1: 14) и чрез Тебя примирил нас с Богом и Отцом». А преподобный Иоанн Дамаскин, свидетельствуя, что все плоды Боговоплощения и Искупления стали доступны для нас именно благодаря Сделавшейся Матерью нашего Спасителя и Искупителя, обращаясь в «Первом похвальном слове на Успение» ко Христу, произносит: «Ты, Владыка, по благоутробному милосердию Твоему воспринял всего Адама... чтобы всему мне даровать спасение... Ты... став *посредником между Богом и человеками* (ср. 1 Тим. 2: 5), разрешил вражду и привел отступников к Твоему Отцу: заблудшее обратил, помраченное просветил, сокрушенное обновил, тленное изменил в нетление; тварь освободил от заблуждения многобожия, людей сделал чадами Божиими (ср. 1 Ин. 3: 2), униженных явил причастниками Божественной славы, осуж-

денного на пребывание в преисподних земли возвел *превыше всякого Начальства, и Власти* (Еф. 1: 21), приговоренного в землю возвратиться и во аде обитать посадил вместе с Собою на Царском троне. Итак, Кто же явился Местом делания этих безмерных благ, превышающих ум и восприятие? Не родившая ли Тебя Приснодева?»

Итак, именно через Богоматерь миру явилась бесконечная, всеохватная и жертвенная любовь Сына Божия, не оставившего человеческий род в бездне греха и духовной гибели, но сошедшего к нам с Небес, сделавшегося истинным Человеком, примирившего нас с Творцом, исцелившего в Себе зараженное болезнью греха людское естество, искупившего нас на Кресте, воскресшего из гроба и тем духовно воскресившего и всех нас, ставшего Главой Церкви и посредством этого пересоздавшего всех Своих верных в Свои члены, усыновившего новых причастников нетварной Божественной благодати Небесному Отцу, соделавшего христиан *причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1: 4) – богами по благодати. Как свидетельствует во «Втором похвальном слове на Успение» преподобный Иоанн Дамаскин, Богородица «явила всем неизреченную бездну любви Божией к людям. Благодаря Ей прекратилась наша долговечная вражда с Творцом. Благодаря Ей было устроено наше с Ним примирение, нам были дарованы мир и благодать, вместе с ангелами ликуют люди, и мы, прежде осужденные, стали чадами Божиими. С Нее мы сорвали Гроздь Жизни; от Нее взяли

Отрасль Нетления. Она стала Посредницей для нас во всех благах. В Ней Бог стал Человеком и человек богом».

При этом святые авторы гомилий на Успение подчеркивают, что Сын Божий, явившийся в наш мир через посредство Богородицы, пришел сюда не только как Искупитель от власти греха, но и как Глава той Церкви, в которой ее *царственному священству* (ср. 1 Пет. 2: 9) – всей полноте христиан – открылся обновленный и совершенный путь к благодатному единению с Богом. Потому-то, говоря о необходимом каждому из нас чувстве благодарности Богородице за то, что наше освящение осуществилось именно через Нее, святой Николай Кавасила в «Слове на достойное почитание и преславное Успение» провозглашает: «К Ней, Началу хвалы, должно быть обращено все, что достохвально в человеческом роде... Ибо причиной всех наших благ является соединение с Богом, а этого соединения начало – Дева». Тем самым именно через Божию Матерь, как Родившую в мир Богомладенца Христа, нашего Спасителя, христиане и обрели полноту той благодати, что дарует единство с Богом и освящает членов Церкви Христовой. Святой Николай Кавасила решительно утверждает: «Все похвалы, которые когда-либо слышали люди и когда-либо возносил наш род, все до одной должны быть отнесены к Деве. Ведь нет, подлинно нет никакого блага, ни большого, ни малого, ничего, что можно было бы назвать благом, которое не было бы принесено [в сей мир] Новой Матерью и Новым [от Нее] Младенцем...»

Именно благодаря совершённому Марией Божественному Рождению, подвигу Ее Богоматеринства, мир встретился со своим Богом, Его узрел и с Ним соединился. Преподобный Иоанн Дамаскин в «Первом похвальном слове на Успение» говорит, обращаясь к Богородице: Того, «Кого не вмещала тварь прежде, вместила благодаря Тебе, и на Кого не в силах была взирать, благодаря Тебе смотрит *открытым лицом, как в зеркало* (ср. 2 Кор. 3: 18)». И теперь человеческий род получил новые уникальные дары богообщения, обожения⁴. Святой Николай Кавасила, обращаясь к Богоматери в

⁴ Святоотеческое понятие «обожение» – одна из важнейших составляющих христианского учения о спасении. По слову апостола Петра, христиане призваны стать *причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1: 4), богами по благодати – хотя и оставаясь тварными людьми, но в то же время приобретая те высочайшие качества и совершенства, которыми Бог обладает по Своей природе. Именно здесь и может исполниться обращенный к нам призыв Христа: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5: 48). Обожение, осуществляемое в христианине действием Святого Духа, становится достижимо для верующих в результате Воплощения и Искупительной Жертвы Спасителя-Христа, благодаря тому, что Сын Божий сделался истинным и совершенным Человеком. Он воспринял наше – человеческую природу, чтобы даровать нам Свое – Божественную жизнь. Сын Божий, став Человеком, воспринял нашу человеческую природу и тем самым нераздельно и неразлучно соединил ее в Себе, в Своей Ипостаси, со Своей природой Божественной, а также исполнил ее Своими нетварными Божественными энергиями. Именно так Он не только исцелил ее в Себе от последствий греха, но и обожил, возвел в новое благодатное и совершенное состояние. Благодаря такому обожению нашей человеческой природы в Вочеловечившемся Христе теперь уже и все верующие, соединенные с Ним в Его Церкви и таинствах, могут – приобщаясь освящающему дару этих нетварных Божественных сил – стать богами по благодати. Учение об обожении изложено в писаниях многих древних святых отцов – священномученика Иринея Лионского, свя-

«Слове на достопоклоняемое и преславное Успение», говорит: «От Тебя то Тело, в котором я получил освящение, в котором Новый Завет, в котором вся надежда на спасение. Твое чрево – Царство Божие». О плодах Рождения Девой Сына именно как о приобщении человечества к высочайшим дарам божественной жизни, к обожению, свидетельствуют многие святые отцы. Так, например, преподобный Иоанн Дамаскин во «Втором похвальном слове на Успение» провозглашает: «Сам Единородный Сын Божий, будучи Богом и единосущным Отцу, соделал Себя Человеком из этой девственной и чистой утробы – и я, человек, обожился, смертный стал бессмертным и снял *кожаные одежды* (Быт. 3: 21). Ибо я совлек с себя тление и одеждой божества имею на себе нетление». А святитель Климент Охридский в «Похвальном слове на Преставление Святой Владычицы нашей Богородицы» благодарно говорит о Богоматери: «Она явилась Новым Небом, понеся Творца неба и земли; Ею обожилось челове-

телей Афанасия Великого, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, преподобного Максима Исповедника и целого ряда других. Так, например, священномученик Ириней в книге «Против ересей» утверждает: «Для того Слово Божие сделалось человеком и Сын Божий – Сыном Человеческим, чтобы [человек], соединившись с Сыном Божиим и получив усыновление, сделался сыном Божиим... Слово Божие сделалось тем, что мы есть, дабы нас сделать тем, что есть Он». Как кратко формулирует в «Послании против ариан» святитель Афанасий, «Сын Божий... сделался... Человеком, чтобы в Себе нас обожить». Или же, как емко определяет в «Главах о богословии и Домостроительстве» преподобный Максим, «Бог Слово, Сын Бога и Отца, для того и стал Человеком и Сыном Человеческим, чтобы соделать человеков богами и сынами Божиими».

чество, так как Христос возлежал в Ее святых ложеснах».

Все это стало возможным – как плод Богоматеринства Марии – в том числе и благодаря силе Ее преисполненного любовью, свободного, творческого и в то же время предельно смиренного личного подвига. И вместе с тем Ее Богоматеринское жертвенное служение сделалось и для Самой Марии источником и причиной той Ее небесной, совершенной и неизмеримой славы, что ныне присуща Божией Матери как «Честнейшей херувим и Славнейшей без сравнения серафим». Святитель Григорий Палама в «Слове 37-м. На всеблаженное Успение Всенепорочной Госпожи нашей Богородицы и Приснодевы Марии» учит: «Пресвятая Дева превзошла и находится выше всех – и мужей и жен – настолько, что невозможно и вымолвить. Она единственная, став Посредницей между Богом и человеческим родом, соделала Бога Сыном Человеческим, а людей сотворила сынами Божиими; Она соделала землю Небом и обожил людской род; Она единственная из всех явилась – и по естеству и превыше всякого естества – Матерью Бога, а чрез несказанное Рождение стала Царицей всякой сущей в мире и премирной твари и, таким образом возвысив в Своем Лице тех, кто пребывают ниже Ее, и явив на земле не столько земное, сколько небесное послушание, сделавшись Избранницей и Царственной Причастницей небесной силы Божественного Духа, явилась Высочайшей из превознесенных и Блаженнейшей Царицей блаженного рода».

Однако непрестанно и возвышенно прославляя Пречистую Деву за Ее участие и роль в совершённом Христом Домостроительстве нашего спасения и даже называя Ее «Посредницей между Богом и человеческим родом», святые отцы не забывают истины, что дело нашего спасения было совершено не Ею, а именно Богом, сделавшимся ради нас Человеком и Искупившим людей от власти греха. И потому, восхваляя в проповедях Ее Успение, в котором открылась совершенная слава Пречистой, взошедшей на Небеса и отныне объемлющей Своей Материнской заботой вселенную, церковные писатели настойчиво подчеркивают: нет, не Она – наша спасительница и искупительница, не Она – обладательница Божественной природы, не Сама Она – источник нетварных Божественных энергий. Все это принадлежит не Ей, но Ее Сыну – как Истинному Богу. По твердому убеждению святых отцов, Богородица абсолютно недопустимо считать наряду со Христом нашей «со-искупительницей» и ради этого усваивать Богородице – даже по причине Ее величайшей благодатной славы – именование «богини». Поэтому преподобный Иоанн Дамаскин во «Втором похвальном слове на Успение» утверждает: «Зная эту Деву как Матерь Бога, мы празднуем Ее Успение, но не именуем Ее богиней, – прочь от нас подобные рассказы эллинской [языческой] глупости;...мы Ее знаем как Матерь Бога, потому что Бог воплотился [из Нее]». Да, Она получила от Создателя дар Богоматеринства, достигла Своим личным духовным по-

двигом совершенной нравственной чистоты, предельной высоты святости, обрела, силой Божественной благодати, бесконечную славу обожения. Но вместе с тем Мария – одна из нас, людей: Дочь Адама и Евы, и значит – восприняла от прародителей, как и все мы, Ее сродники по плоти, наследие первородного греха. Поэтому, прежде чем стать Матерью Бога, даже и Она нуждалась в личном духовном очищении Божественной силой. Об этом говорит в «Первом похвальном слове» тот же Дамаскин, свидетельствуя, что во время Благовещения, в миг Боговоплощения «освящающая сила Духа нашествием Своим очистила, осветила» Деву. Тем самым и Мария так же, как и всякий из нас, нуждалась в Искупителе и была спасена Своим Божественным Сыном от власти прародительского греха и смерти.

Святые отцы настойчиво подчеркивают, что Марию избрал Себе в Матерь Сам Бог – соделавший Ее главнейшим Орудием в деле спасения, образовавший из Ее пречистых кровей Свое людское естество, властно поселившийся в Ее девственном чреве, а затем родившийся от Нее в мир и при этом соблюдавший чистоту и нерушимость девства Матери. Преподобный Иоанн Дамаскин в «Первом похвальном слове» говорит: Сын Божий, истинный Бог, «Называющий *не существующее как существующее* (Рим. 4: 17), Наполняющий *небо и землю* (ср. Иер. 23: 24), Которому *небо – престол... и земля – подножие ног* (Ис. 66: 1), соделал чрево Рабы Своей Пространным жилищем для Себя и в нем совершил самое

дивное из всех таинств. Ведь Он, будучи Богом, становится Человеком, сверхъестественно рождается в [положенные] сроки рождения, разверзает [материнскую] утробу, не разрушая запоры девства; и подымается перстными руками [Тот, Который есть] *сияние славы и образ Ипостаси* Отца, держащей *все словом силы Своей* (ср. Евр. 1: 3)». Образ этого таинственного Богоселения во чрево Девы Дамаскин возвышенно рисует в том же «Первом похвальном слове», обращаясь к Воплотившемуся Богу: «Ты... неописанно [в Нее] вселился и возвел ничтожество нашего естества на беспредельную высоту Твоего непостижимого Божества. Восприняв начатки нашего естества из пречистых, непорочных и незапятнанных кровей Святой Девы, Ты образовал Сам Себе плоть, оживленную душой мыслящей и разумной, Сам явился для плоти Ипостасью, так что стал совершенным Человеком, не переставая быть совершенным Богом и единосущным Отцу Твоему, воспринявшим по неизреченному милосердию нашу немощь. И Ты произошел от Нее – Один Христос, Один Господь, Один Сын, Он же самый Бог и Человек, вместе совершенный Бог и совершенный Человек, весь Бог и весь Человек, но одна сложная Ипостась из двух совершенных природ – Божества и человечества и в двух совершенных природах – Божестве и человечестве».

По убеждению святых отцов, Мария, Совершеннейшая из жен, была предызбрана и приуготована Богом – по Его всеохватному всеведению – стать Матерью Слова еще прежде

сотворения мира, на Предвечном Совете Пресвятой Троицы. Святые отцы в проповедях на Успение не перестают прославлять Богородицу именно как от века Предопределенную Богом сделаться Орудием нашего спасения и затем, по силе этого предопределения, Родившую Спасителя. Так преподобный Иоанн Дамаскин в «Первом похвальном слове», обращаясь к Воплотившемуся Сыну Божию, говорит о величии Его Матери: «Будучи Избранной от древних родов по Предвечному Совету без истечения и бесстрастно родившего Тебя Бога Отца, Она родила Тебя – Умилоствление и Спасение, Оправдание и Искупление, Тебя – Жизнь от Жизни, Свет от Света, Бога Истинного от Бога Истинного, воплотившегося от Нее в последние времена. Это Рождение было необычайным, способ Рождения превосходящим природу и разумение и спасительным для мира, Успение же Ее славным, подлинно священным и всехвальным...»

Говоря о роли Богоматери в деле нашего спасения, святые отцы настаивают: начало Искупительному подвигу Господа было положено именно во чреве Девы. Ведь дело совершённого Христом Искупления, хотя и имеет своей осью и сердцевиной Крест, Крестом не ограничивается и не исчерпывается. Весь земной путь Господа – от момента Его безмужного Зачатия и до Вознесения – есть неразрывное и единое дело нашего Искупления. Причем точкой отсчета Искупительного подвига Христа как раз и является сошествие с Небес Бога Слова во чрево Пречистой Девы. В этом смысле утроба

Богоматери понимается святыми отцами как та Святая святых, где не только приготавливается, но и начинается совершаться спасительное Заколение Небесного Агнца за весь человеческий род. Поэтому святитель Андрей Критский, говоря в «Слове третьем на Успение» о чреве Богоматери как о том Святилище, в Котором Господь полагает начало Своей Жертве за мир, учит: «*Прошедший небеса Великий Первосвященник* (ср. Евр. 4: 14) Христос Иисус как бы во храме, всегда таинственно входя в Девственное Святилище, ради нас совершает Жертву и приносится в Жертву, и, освящая Себя за нас, освящает святящих Его».

Мы знаем, что некогда, в начале земной истории, все потомки Адама и Евы лишились изначального райского пути к единению с Богом – силой прародительского греха и из-за бессилия перед сатаной, смертью и адом. И с той поры каждый человек – в том числе и Мария – рождался под гнетом этого греховного наследия прародителей. Однако именно в Ней, Первой из живущих – благодаря Ее Девственному Рождению, Богоматеринству, а также совершенству личной святости Пречистой, не совершившей за Свою жизнь ни одного греха, – деятельно явились и открылись та абсолютная новизна, то совершенное духовное обновление, те благодатные плоды Искупительного подвига Ее Божественного Сына, что одолели в спасаемых прежнюю власть сатаны. При этом, как подчеркивают в гомилиях на Успение святые отцы, Мария, будучи Наследницей Адама и Евы, в то же время и Са-

ма стала подлинной Праматерью и Основоположницей для нового людского рода – христиан: ведь Она родила Сына и Господа как их истинного Родоначалника – Нового Адама, нашего Спасителя и Искупителя. Произойдя сначала из рода Адама ветхого, Пречистая затем сделалась Той Девственной Землей, из Которой ныне пророс Колос нашего Спасения – явившийся на смену древнему Адаму *Последний Адам* – Христос (ср. 1 Кор. 15: 45). Итак, Дочь и Наследница одного Адама делается Девственной Матерью Адама Другого, Нового и в то же время – Предвечно Грядущего: Того, *что был* не только *прежде нежели Авраам*, но и *нежели Адам* (ср. Ин. 8: 58). Поэтому святитель Андрей Критский, прославляя Божию Матерь и обращаясь к Ней в «Слове третьем на Успение», восклицает: «О, Дочь Адама и Матерь Божия! О, Безмужняя Матерь и Детородящая Дева! О, Создание Созданного в Тебе во времени и [при этом] не отступившего от Своей незримости!... Девственная Земля, из Которой вышел Адам Новый – но Древнейший ветхого!»

Святые отцы в проповедях на Успение говорят и о том, что ныне, в евангельскую эпоху, древняя виновница греха Ева обрела в Богоматери – как в Новой Девственной Родоначалнице искупленного человечества – подлинное духовное утешение. Об этом свидетельствует святитель Герман, обращающийся в «Слове втором на святое Успение» к Богородице: «Ты – сущая Матерь Истинной Жизни; Ты – Избавление поношения Евы. Она – мать праха, Ты – Света; ее

ложесна – тление, Твое чрево – нетление; та – селение смерти, Ты – Преставление к Жизни; чада той – печаль, а Твой Сын – Радость для всех родов. Та, будучи землей, отошла в землю, Ты же родила нам Жизнь и взошла к Жизни, и [потому] можешь и по смерти подавать людям жизнь». А преподобный Иоанн Дамаскин, свидетельствуя о том же во «Втором похвальном слове», даже вкладывает в уста самой Евы, а также ее мужа Адама возвышенную речь, прославляющую Пречистую Деву за Ее роль в Домостроительстве нашего спасения: в день Успения Пресвятой Богородицы «Адам и Ева, прародители нашего рода, громко воскликнули радостными устами: „Ты, блаженная Дочь, упразднила наказание за наше преступление. Ты, унаследовав от нас тленное тело, родила нам одеяние нетления. Ты, получив бытие из наших чресел, воздала нам блаженное бытие, уняла мучения, разодрала пелены смерти, восстановила для нас древнее местопребывание. Мы затворили рай, Ты же открыла путь к древу жизни. Через нас из благ произошли скорби, а через Тебя из скорбей нам вернулись еще большие блага“». Пожалуй, здесь следует обратить внимание на эти последние слова Адама и Евы: «Через нас из благ произошли скорби, а через Тебя **из скорбей** нам вернулись еще большие блага». Да, Пречистая Дева подлинно сделалась Благим Утешением печали Ее древней прародительницы. Но вместе с тем Богоматерь уподобилась ветхозаветной прародительнице в том, что Мария, так же как и Ева, испытала в Своей земной жизни великие

скорби. Однако сам образ этих пережитых Евой и Марией скорбей оказался абсолютно различен. Например, обращенные после грехопадения слова Господа к Еве *в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое* (Быт. 3: 16) никак не могут быть отнесены к Марии, пребывавшей Приснодевой и не испытавшей родовых мук при Рождении Бога Слова. И все же сказанное Еве в раю Богом *умножая умножу скорбь твою* (Быт. 3: 16) может напомнить о пророческих словах, сказанных Марии в день Сретения старцем Симеоном: *и Тебе Самой оружие пройдет душу* (Лк. 2: 35). Автор «Проповеди на Успение», приписываемой блаженному Августину, говорит: некогда в раю «Господь сказал жене: *умножу скорбь твою... в болезни будешь рождать детей* (Быт. 3: 16). И Мария [также] испытала скорбь, ибо *душу* Ее *прошло оружие* (ср. Лк 2: 35), но Она родила без мук, следовательно, если Мария и участвует в страданиях Евы, то не в родовых муках. По Своему достоинству Она неподвластна некоторым законам, общим для всех людей, ибо, будучи Девой, Она пребыла Девой [и в Рождестве и по Рождестве]». На те же слова праведного Симеона указывает и преподобный Иоанн Дамаскин («Второе похвальное слово на Успение»), свидетельствующий, что Богородица есть подлинно «Видевшая на Кресте Сына Своего и Принявшая в сердце [тот] меч страдания (ср. Лк. 2: 35), которого избежала при Рождении». Тем самым и древняя дева Ева, и Новая Дева Мария – обе познали в своей жизни настоящую скорбь. Однако Богома-

терь, хотя и не испытывавшая, подобно Еве, родовых мук, пережила куда более страшное, чем Ее праматерь, страдание – предстояние Кресту Возлюбленного Сына и Бога. При этом Богоматерь познала страдание и горе о Распятом на Кресте и убитом Сыне именно как прямое следствие греха Своей древней праматери – ведь, как мы знаем, любое в мире страдание (даже и Крестное Христово) есть плод прародительского преступления Евы и ее мужа Адама. Но вместе с тем Мария, именно благодаря Своему горю Креста, сделалась, в Свою очередь, для Евы Началом и Причиной уже не скорби, но утешения – величайшей радости и духовного наслаждения праматери. Это произошло в новой евангельской реальности Искупления мира Христом: в реальности, уничтожившей древнее проклятие греха и обновившей союз Бога и человека. Поэтому святитель Андрей Критский в «Слове втором на Успение Пресвятой Богородицы», говоря о роли Богоматери в деле нашего спасения, утверждает: «Прилично и по [Ее] преставлении сказать Ей: „Радуйся“! – поскольку Она одна доставила нам радость, отогнав печаль праматери [Евы]». А святитель Климент Охридский в «Похвальном слове на Преставление Святой Владычицы нашей Богородицы» говорит о духовной причине этой радости, переживаемой Евой, а вместе с нею – и всеми нами, по отношению к совершенному Марией, так: «Ею [Богоматерью] обновился обветшавший грехом человеческий род, Ею отворен Эдем, в древности заключенный Евой. Ею проклятие разорено, а

благословение процвело; и бессмертная жизнь изощла оттуда, откуда в нас вселилась смерть». При этом, по убеждению святых отцов, авторов проповедей на Успение, здесь присутствует именно взаимная радость двух жен: Ева ликует о Марии, а Мария – о Еве. По мысли преподобного Феодора Студита, высказанной в «Похвальном слове на Успение», Ева призвана радоваться о Марии именно как о Той, что стала благой Отраслью и Наследницей ее рода, через посредство Которой потомству Евы явилось спасение: «Да радуется Ева, потому что она принесла благословенный Плод – Марию». А святитель Андрей Критский в «Слове третьем на Успение» добавляет: «Блаженна Ты в женах и в роды родов. Благословенна Ты на Небесах и прославлена на земле. Всякий язык Тебя славит со благодарением, исповедуя Тебя Матерью Жизни. Вся земля исполнилась Твоей славы, все освятилось миром Твоего благоухания. Чрез Тебя скорби праматери переменились в радость». Но и Мария призывается ликовать о Своей праматери Еве, а также о праотце Адаме, для которых ныне – силой и властью Рожденного Ею Христа, сошедшего во ад и выведшего оттуда праотцев, – настала свобода от древнего греха и открылся путь на Небеса. Поэтому святитель Климент Охридский в «Похвальном слове на Преставление Богородицы», обращаясь к Богородице, восклицает: «Радуйся, Адамово Обновление и Евино Разрешение!»

Святоотеческие проповеди на Успение: чистота, святость и духовная высота Богоматери

Святые отцы в проповедях на Успение свидетельствуют о совершенной чистоте, предельной святости и духовной высоте Богоматери. Ее добродетели – бесконечны. Святитель Герман Константинопольский, обращаясь в «Слове втором на святое Успение» к Пречистой Деве, говорит: «Воистину, невозможно прославить Тебя по достоинству». С ним соглашается и святитель Григорий Палама, учащий в «Слове 37-м. На всеблаженное Успение» о присущих Марии совершеннейших дарах Святого Духа: «Ты – Вместилище всех благодатных даров, и Полнота всяческой превысшей прекрасности, и Скрижаль и Одушевленный Образ всяческой благодати и праведности – как Одна лишь всецело удостоенная полноты даров Духа, в особенности же, как Одна только имевшая Вселившимся в утробе Того, в Ком – сокровищница всех сих [благодатей], и как Соделавшаяся для Него Чудесной Обителью». При этом, по убеждению святых отцов, Богоматерь стала для Своего Сына и Бога не просто Обителью, Жилищем, но именно Священным Храмом, Одушевленным Святилищем. Святитель Андрей Критский в «Слове третьем на Успение», обращаясь к Божией Матери, восклицает: «О, Бо-

жественный Храм и земной Человек!» А святитель Герман в «Слове втором на Успение» провозглашает, что Богородица «сделалась» Священным и «Живым Храмом» Христа Бога.

Пресвятая Богородица превзошла личной святостью и духовным совершенством весь человеческий род. Поэтому преподобный Иоанн Дамаскин в «Первом похвальном слове» говорит, обращаясь к Богоматери: «О, чудеса, подлинно божественные! О, таинства, которые превыше природы и разумения! О, слава девства, которая превосходит [естество] человеческое! Что это за великое о Тебе таинство, священная Мать и Дева? *Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!* (Лк. 1: 42). Блаженна Ты в роды родов, единственная достойная считаться блаженной». Эти слава Богоматери и Ее превосходство над всеми людьми открылись во всех важнейших обстоятельствах земной жизни Богородицы: и в образе Ее рождения от престарелых родителей Иоакима и Анны, превзошедшем обычные законы естества, и в Ее младенческом и отроческом житии при Иерусалимском храме, и во вхождении в храмовое Святая святых, и в Ее безмужном Зачатии Бога Слова, и в девственном Рождестве Спасителя, и в многолетней жертвенной Самоотдаче служения Своему Божественному Сыну, и в удивительном образе Успения. Каждый миг земной жизни Богоматери был духовно высок и нравственно совершенен, преисполнен благодатными дарами, славой святости. Поэтому, говоря о чудесном рождении Марии от Иоакима и Анны, о чистоте Ее

земной жизни, а также о необычности Успения, святитель Андрей Критский в «Слове втором на Успение» утверждает: «Всесвятая, превосходя естество, родилась [Сама], Своей жизнью и Рождением [Сына] превзошла людей и, наконец, преставлением стала выше всех рожденных...»

С рождением Марии от Иоакима и Анны в Ее Лице в мире явились высочайшее Начало и совершеннейший Образ человеческой святости. Именно поэтому праведный Николай Кавасила в «Слове на достопоклоняемое и преславное Успение» решительно утверждает: «Ведь никто не был свят, прежде чем явилась Блаженная, но именно Она, Первая и Единственная отставшая от греха совершенно, явилась Святой и Святой Святых и, если чем можно именовать, высшим; и для других отверзла врата святости, достодолжно приготовившись для восприятия Спасителя, а через это смогли стать святыми все пророки, священники и все вообще, достойными оказавшиеся Божественных Таинств. Ведь Первый и Единственный Плод Девы принес святость в мир...» Вся земная жизнь Богородицы, каждый Ее поступок, любая мысль были проникнуты этой деятельной и творческой святостью, являли Ее совершенную славу, чистоту, благую устремленность к Богу. Потому святитель Димитрий Ростовский в «Слове на Успение Пресвятой Богородицы» и задается вопросом: «Кто может исчислить и высказать то, как, какими и сколь многими добрыми делами Пресвятая Дева угодила Богу, Творцу Своему, от юности Своей до блажен-

нейшей кончины? Скорее изотчешь весной – цветы, летом – колосья, осенью – плоды, зимой – снег, на голове – волосы; скорее изотчешь капли в море, звезды вверху, нежели исчислишь добрые дела богоугождения и достоинства Божией Матери».

Размышляя о главнейших духовных и нравственных основах личной святости Богоматери, святые отцы особым образом подчеркивают три важнейшие добродетели, которые помогли Марии взойти на достигнутую Ею высоту – и в духовной жизни, и в славном вознесении на Небеса по Успении: чистота девства, глубочайшее смирение, а также жертвенная любовь к Богу. Святитель Димитрий Ростовский свидетельствует: «А какими степенями Она приблизилась во временной жизни Своей к Богу в Троице Единому, теми же степенями Она и в бессмертном Успении Своем взошла на Небо к Отцу, Сыну и Святому Духу: девственной чистотой, смирением и любовью».

Со святителем Димитрием согласны и другие святые отцы, непрестанно говорящие о девственной чистоте, полноте любви к Богу и бесконечном смирении Марии. Так, преподобный Иоанн Дамаскин во «Втором похвальном слове» подчеркивает, что духовное совершенство Богородицы связано с тем, что «Она... и до Рождества, и в Рождестве, и после Рождества пребывает Девой». А святитель Григорий Палама, свидетельствуя в «Слове 37-м. На всеблаженное Успение» о высочайшей мере любви Марии к Своему Сыну и Бо-

гу, вопрошает: «Кто же [из всех живущих] возлюбил» Христа, Сына Божия, «более, чем Матерь?»»

И наконец, размышляя о предельном и глубочайшем смирении Пречистой Девы, святые авторы проповедей на Успение постоянно припоминают слова Богородицы, произнесенные Ею во время события Благовещения и обращенные к архангелу Гавриилу, а через его посредство – и к Самому Богу: *се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему* (Лк. 1: 38). Такое именование Марией Себя *Рабой*, причем *Рабой Господней*, по убеждению святых отцов, есть важнейшее из всех существующих свидетельств Ее предельного смирения, абсолютной самоотдачи Богу, готовности посвятить Саму Себя и каждый миг Своей земной жизни жертвенному служению Господу. При этом следует подчеркнуть, что святоотеческая традиция никогда не трактует добродетель смирения как отказ христианина от личной решимости, ответственности за свои поступки, мысли; смирение отнюдь не требует от человека удалиться от живой и созидательной творческой активности. Напротив, возможность достижения христианином подлинного смирения подразумевает максимальную напряженность всех заложенных в нас Богом при творении душевных сил и способностей, приложение больших молитвенных усилий, а также поистине подвижническую, совершенную и свободно дарующую себя Богу и ближнему жертвенную любовь. Поясняя эту мысль, святитель Иларион Пиктавийский в сочинении «О Троице» учит:

«Тот, кто смиряет себя, в природе смирения имеет твердость. Тот, кто принимает послушание, принимает его по своей воле, становясь послушным через смирение». Именно к такому живому и творческому смирению пред Богом, к активному и трудническому послушанию Господу, к свободному и радостному исполнению Его святой воли, призывает нас и Сама Смиреннейшая Богоматерь – в Своем известном евангельском наставлении, обращенном не только к служителям брачного пиря в Кане, но и к каждому христианину: *что скажет Он вам, то сделайте* (Ин. 2: 5). Свидетельствуя о совершенной мере добродетели смирения *Рабы Господней* – Пречистой Девы, преподобный Иоанн Дамаскин в «Третьем похвальном слове на Успение» даже поставляет добродетель Ее высочайшего, святого и смиренного рабства Богу на одну строку с Ее Богоматеринством – как теснейшим образом и органически с ним взаимосвязанную: Пречистая Дева есть прежде всего «Раба и Матерь». Ведь без личной добродетели смирения Мария никогда не стала бы Матерью Смиренного и Смирившегося – Господа Иисуса Христа. Без смиренного принятия Девой воли Божией Она никогда не сподобилась бы принять во чрево Сына Божия, добровольно *уничтожившего Себя* (ср. Флп. 2: 7) в восприятии нашего тварного человеческого естества и предельно смирившегося ради нашего спасения в перенесении Им поругания от распинателей, Крестной муки и смертного схождения во гроб. Потому-то Смиренный Сын Божий, Которого

преподобный Симеон Новый Богослов в «Благодарении Богу первом» именует «мой Негордый Бог и Господь», *принявший* на Себя в Воплощении *образ раба* (ср. Флп. 2: 7), и пожелал соделать Своей Матерью именно Ту, Которая и Сама – исповедав Себя *Рабой* – явила образ предельного личного смирения. Развивая эту мысль, святитель Димитрий Ростовский поясняет, что нынешняя неизмеримая высота и слава Девы, а также усваиваемое Ей Церковью именование Царицы над всем творением, как соцарствующей на Небесах Христу – Ее Сыну и Богу, есть прямое следствие Ее предельного и совершенного смирения в подвиге Богоматеринства, в принятии воли Божией, в жертвенной самоотдаче Марией каждого мгновения Своей жизни Творцу. И чем Она была совершеннее тогда в Своем смиренном рабстве, тем совершеннее Она пребывает ныне и в Своем Небесном царствовании. Святитель Димитрий говорит о духовном содержании события Успения Пресвятой Богородицы, теснейшим образом связанного как со смирением, так и со славой Девы: «Теперь пусть всякий знает, кто преставился: *Раба Господня* преставилась; *Раба Господня* положена во гробе: *се, Раба Господня!* Здесь вспомню древнее изречение: „работать Богу – царствовать“; то есть работать Богу – то же, что царствовать. Кто – истинный раб Божий, тот – наследник Небесного Царства, соцарствующий Христу. Если же Пречистая Дева – *Раба Господня*: то Царица, воистину, всей видимой и невидимой твари».

Раба Господня Мария открывается и является миру в Своей предельной и совершенной славе святости и обожения именно в день Успения. Святитель Григорий Палама в «Слове 37-м. На всеблаженное Успение» провозглашает: «несравненно Наибольшая из всех – есть Матерь Дева, через Которую и приобщаются Богу все делающиеся Его причастниками. Все те, кто сподобляются боговедения, познают Ее как Вместилище Невместимого; и все те, кто восхваляют Бога, вслед за восхвалением Его, хвалят также и Ее, [Богоматерь]. Сама же Она есть Основание и Виновница всех [благ], бывших прежде Нее; и Она же – Предстательница и Предводительница всех [благ], бывших после Нее; а также Она есть Посредница [всех благ] вечных. Она – Предмет пророческих предречений, Начало апостолов, Утверждение мучеников, Основание учителей. Она – Слава земнородных, Радование небесных и Похвала всей твари. Она – Начало, Источник и Корень неизреченных благ, Она – Глава и Совершение всякой святыни».

Святоотеческие проповеди на Успение: Богоматерь и ангелы

Мы знаем: Пресвятая Богородица превзошла духовным совершенством и блаженной жизнью не только всех праведников, пророков, христианских святых, но также и ангелов. Святитель Герман Константинопольский, обращаясь к Богоматери в «Слове первом на всечестное Успение», говорит: «Ты и превосходишь небесные чины, и являешься Высшей всех земных тварей; потому что Ты, воистину, и Небеса украсила, и землю прославила». А в «Слове втором на Успение» он добавляет: «Твое превосходство – больше ангельского. Ты выше небес (ср. Иов. 11: 8) и пространнее Неба небес».

Первая причина превосходства Богоматери над ангелами заключена в том, что Она сделалась Матерью Сына Божия – Творца и Властителя небесных сил – и потому все они ныне призваны служить Ей, как Родившей их Господа. Вторая же причина – в том, что Мария стяжала личную святость и благодатное совершенство, бесконечно превосходящие собой духовную высоту горних воинств. Преподобный Феодор Студит, в «Похвальном слове на Успение» обращаясь к Марии и говоря, что Она превосходит ангелов личной святостью и духовным совершенством, восклицает: «Ты превосходишь, несравненно превышаешь Своим величием

всякую высочайшую часть Неба, Своим сиянием святости – свет солнца, Своими заслугами – достоинство ангелов и всякую невестественную и разумную сущность умопостигаемых и умных сил».

Однако святые отцы отмечают, что разлучение души и тела Богородицы в Ее Успении несколько умалило на время Пречистую в сравнении с бессмертными и не претерпевающими никакой страдательности ангелами. Вместе с тем смерть Девы стала для Нее той конечной точкой в подвиге Ее личного смирения, что в максимальной степени сблизила подвижническое смирение Марии с добровольным самоумалением Ее Сына, явленным в Смерти Господа. Ведь Богоматерь в Своем смиренном Успении как раз и уподобилась принявшему бессилие смерти Спасителю. Апостол Павел свидетельствует о Господе, что Он в Воплощении и в Голгофской Жертве свободно смирил Себя, *быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (ср. Флп. 2: 8). Причем *Иисус...* даже оказался здесь по Своему человечеству *не много... унижен пред* не ведающими смерти Ангелами, ибо в принятии Креста и Гроба – в отличие от не знающих смерти ангельских сил – Он *вкусил смерть за всех* (ср. Евр. 2: 9). Но затем *Иисус*, как Совершивший наше спасение силой Своего жертвенного *претерпения смерти*, оказался *увенчан* – по Своей же людской природе – величайшими *славою и честью* (ср. Евр. 2: 9). И теперь, благодаря совершившемуся в Страдании и в Смерти Иисуса Его спасительному для нас

уничтожению, *Бог Отец превознес Его в Воскресении и Вознесении и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред человеческим именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних* (ср. Флп. 2: 9–10) – то есть утвердил Христа, по Его Человеческому естеству, как истинного и совершенного Человека, на Небесах превыше всех ангельских сил. При этом и сами некогда уничтожившие Господа Его Крест и Смерть также обратились в совершенную славу Спасителя, ибо ими, а также Его Воскресением был искуплен и спасен человеческий род и исцелена поврежденная грехом людская природа. И вот теперь, *введя Первородного Сына по Его человечеству в горную славу*, Бог Отец повелевает всем бесчисленным ангельским силам склониться пред Ним – именно как перед Ставшим одним из нас: *да поклонятся Ему все Ангелы Божии* (ср. Евр. 1: 6). Однако и Пречистая Дева в Своем Успении также оказалась, подобно Господу – во образ Своего Сына, *Который в Собственной Смерти был не много унижен пред Ангелами* (ср. Евр. 2: 9), – на краткое время унижена перед ангельскими силами: в Ее преставлении, во временном разлучении души и тела и в трехдневном смертном пребывании во гробе. Но затем, вслед за этим конечным явлением Ее смиренного – смертного – бессилия, последовало и откровение предельной славы Марии, когда Она оказалась воздвигнута из гроба Своим Божественным Сыном и вознесена Им в горняя: превыше небесных ангелов. Говоря о таком смирении Девы в Успении

– как временной лишенности жизни и недолгом разлучении души и тела, – святитель Григорий Палама в «Слове 37-м. На всеблаженное Успение» поясняет: «Через... [Ее] святое Успение или преставление... вкушение смерти» Богоматерь оказалась «хотя и на краткое время Умаленной пред ангелами... [была] унижена» перед ними. Но «и это должно было послужить к умножению во всем величия и превосходства над всем Богоматери: ибо ныне» – после Ее воскресения из гроба – «все [сущее] верно торжествует и совершает празднество победы над смертью». Ведь теперь Она, Восставшая из гроба и Взошедшая на Небеса, «хотя и на краткое время Умаленная пред ангелами, без сравнения превзошла – Своей близостью к Богу и от века предначертанными и совершившимися над Ней чудными делами – ангелов и архангелов, и [прочие] премирные силы... Потому что когда Бог пожелал явить [в Ней] и ангелам и людям Образец всяческой красоты и открыть Свое подобие, Он совершенно украсил Ее до такой меры, что сочетал в Ней [в полноте] все [совершеннейшие] черты, которыми Он только украсил по отдельности [все многообразия] Собственных творений – видимых и невидимых. Лучше же сказать, явил Ее единым Сочетанием и высшей Красотой всех Божественных, ангельских и человеческих красот, Украшением обоих миров [– духовного и вещественного], от земли Исходящей и до Небес Достигающей, и Превосходящей ныне в Своем вознесении от гроба даже сами Небеса, и Соединяющей дольний мир с горним,

и Наполняющей Своими чудными делами вселенную... Так что даже и то... что Она была унижена на краткое время пред ангелами (разумею вкушение смерти), – и это должно было послужить к умножению во всем величия и превосходства над всем Богоматери: ибо ныне все [сущее] верно торжествует и совершает празднество победы над смертью».

Ныне небесные силы смиренно склоняются перед Богородицей, воздавая ангельским служением честь Той, что явила в Своей земной жизни смирение и служение поистине сверхангельские. При этом небесные силы так и не могут до конца постичь ту Тайну, что была открыта людскому роду и Первой из всех – Пресвятой Богородице в Воплощении Сына Божия: Тайнство Бога, ставшего Человеком. Да, ангелы знают о совершившемся Вочеловечении, они благоговеют перед случившимся, радуются о спасении и исцелении людского рода, об осуществленном Христом Крестном Искуплении, о Воскресении и Вознесении Господа. Но внутренняя суть и глубинный смысл этой Тайны остаются для ангелов сокрытыми: ибо, чтобы познать эту Тайну, нужно к ней приобщиться, сделаться ее причастником, а это как раз и недоступно для ангелов. Тайну Богочеловека может познать лишь тот, кто принадлежит к роду, частью которого в Воплощении стал Сын Божий, – к роду человеческому. Это, конечно же, доступно для людей, но невозможно для ангелов, ибо Христос – Богочеловек, а не Богоангел. Поэтому-то хотя *ангелы и желают проникнуть в Тайну Хри-*

стовых страданий и Его последующую за ними славу (ср. 1 Пет. 1: 10–12), но остаются бессильными перед загадкой Домостроительства нашего спасения. При этом святые отцы, авторы проповедей на Успение, рассуждая о причинах превосходства Богоматери над ангелами, напоминают и о том, что именно Пречистая Дева оказалась важнейшим Орудием в этом непостижимом для небесных сил Домостроительстве нашего спасения. По сути, Она и есть подлинная Сердцевина и Средоточие недоуменного для ангелов спасительного дела Христова. Это позволяет святителю Андрею Критскому называть Саму Богоматерь «Величественным Делом страшного Домостроительства, в которое *желают проникнуть ангелы* (1 Пет. 1: 12)» – бесплотные силы, безуспешно пытающиеся постичь Тайну спасительного Воплощения Слова. Более того: если ангелы все же могут хотя бы отчасти, пусть и смутно, приблизиться к постижению этой Тайны Христова Воплощения, то лишь одним способом – через посредство Пречистой Девы: в служении Ей и в Ее прославлении. Говоря об этом духовно просвещающем ангельские умы небесном прославлении горними силами Пресвятой Богородицы, святой Николай Кавасила в «Слове на достопоклоняемое и преславное Успение» учит: «Дева... явила людям Саму Воипостасную Премудрость Божию, не в знамениях и образах, но непосредственно Самого Бога, Спасителя, и [явила] не людям только, но и началам и властям, *дабы ныне соделалась известною*, – как говорит апостол Павел, – и *начальствам, и властям на*

небесах многообразная премудрость Божия (Еф. 3: 10). И ведь не сказал он [– апостол], „...дабы соделалась более известной, чем прежде, когда, пусть и несовершенно, была известна“, но просто *дабы соделалась известною*, показывая, я думаю, что то знание, которое было до Блаженной Девы, было настолько смутным, что никак нельзя соразмерить его с другим знанием, произращенным [Блаженной]. И, как то и подобало, Она воссияла Солнце Правды не только для людей... но и для самых премирных сил... Ведь и ангелам, самим началам и властям Она послужила во благо, и для них испустила свет, и им дала возможность стать премудрее и чище, и лучше, нежели прежде, познавать Божию благодать и премудрость. Ведь многообразная премудрость Божия через Нее была открыта началам и властям; и *бездну божества и премудрости и ведения Божия* (ср. Рим. 11: 33) как бы через очи или свет Блаженной увидели все. Она явилась единственной Путеводительницей для всякой души и всякого разума к достижению Божественной истины».

Однако Богоматерь является для ангельских сил не только их Благой Наставницей в деле постижения Божественных тайн. По восхождении Марии на Небеса ангельские силы через Ее посредство, по дару подаваемой Богоматери от Господа бесконечной меры обоживающей благодати, сподобляются – через общение с Ней и причастие Ее духовным совершенствам – нового, превосходнейшего, чем прежде, сияния святости, стяжают обновленное участие в Божествен-

ной жизни. Об этом в «Слове 37-м. На всеблаженное Успение» свидетельствует святитель Григорий Палама: Богоматерь «не перестанет в продолжении всех веков благодетельствовать всему творению: говорю не только о нас, [земных,] но и бестелесных и надмирных [ангельских] чиноначалиях – потому что и они вместе с нами через Ее посредство делаются причастниками [обожения] и прикасаются к неприкосновенному Божественному естеству».

Свидетельствуя о небесной славе, какой сподобилась от Бога по Своем Успении Его Пречистая Матерь, святые отцы подчеркивают особую и совершенную близость Богородицы к Ее Божественному Сыну, бесконечно превосходящую близость к Создателю ангельских сил. Святитель Григорий Палама в «Слове 37-м. На всеблаженное Успение» учит: «Богородица много ближе всех приближенных к Богу и удостаивается сравнительно со всеми – разумею не только земнородных, но даже и все ангельские иерархии – много больших почестей. О высших их [ангельских] чинах ранее написал Исаия: *вокруг Него стояли Серафимы* (Ис. 6: 2). А о Ней вот что говорит Давид: *предстала царица одесную Тебя* (Пс. 44: 10 по LXX⁵). Видите ли различие в [образе] предстояния

⁵ То есть по Септуагинте, осуществленному в III веке до Рождества Христова в Александрии переводу Ветхого Завета с еврейского на греческий язык так называемых «Семидесяти толковников». Именно этим библейским текстом пользовались греческие святые отцы, его они цитировали в своих творениях и проповедях. Текст Септуагинты по своему содержанию заметно отличается от привычного нам библейского Синодального перевода XIX столетия, который был сде-

[ангельских чинов и Богородицы]? Из этого различия можете уразуметь и различие в чине по достоинству: ибо серафимы – *вокруг* Бога, а близ Него Самого – только Одна Царица, Которая восхваляется и прославляется от Самого Бога, как бы возвещающего о Ней окружающим Его [ангельским] силам и говорящего, как сказано в Песни песней: *Как прекрасна Ты, Ближняя Моя* (Песн. 1: 14), Блистательнейшая света, Сладостнейшая Божественного Рая и Прекраснейшая всего мира – видимого и невидимого». Святой Николай Кавасила, соглашаясь с Паламой в «Слове на достопоклоняемое и преславное Успение», учит: «Подлинно святее Блаженная Дева самих ангелов, архангелов, херувимов и серафимов... Святость измеряется близостью к Богу. Говорится [в Писании], что херувимы окружают Бога и принимают от Него исходящий свет, взирать же никак не дерзают (ср. Ис. 6: 2). Дева же новым и неизреченным образом приняла в Себе Того, Кто никаким не объемлется местом. И не некое блистание и славу, но Саму восприняла Она Божественную Ипостась. И насколько явнее, чем херувимам, Бог явился Деве много больше, чем то возможно выразить, настолько же Она, с необходимостью, святее и священнее». А вот преподобный Иоанн Дамаскин, стремясь найти наилучший образ, отражающий предельно тесную и совершенную небесную близость Бого-

лан не с греческого, а с еврейского – так называемого масоретского – библейского текста. По этой причине ряд ветхозаветных текстов, цитируемых греческими святыми отцами в их проповедях на Успение Пресвятой Богородицы, приводится в этой книге не по Синодальному переводу, а по Септуагинте.

матери к Богу – в том числе и в Ее превосходстве над ангелами, – именует в «Первом похвальном слове на Успение» Богородицу Тем Небесным Престолом, на Котором восседает в славе на Небесах Господь и Который благоговейно обступают ангельские силы: «Ибо Ты – Царский Престол, Которому предстоят престолы, или ангелы, взирая на Сидящего на нем Своего Владыку, Господина и Творца (ср. Дан. 7: 9)».

Вместе с тем Богоматерь явила в Себе, открыв и для всех христиан, новый путь к тому древнему и теперь обновленному благому союзу и единству, которого лишился из-за грехопадения человеческий род: к союзу и единству Неба и земли, ангелов и людей. Ведь именно Богородица во время Своей земной жизни стала истинным Поводом и благой Причиной для возобновления и скрепления этого обновленного союза – в дни Рождества от Нее Христа, когда ангельские силы, прежде почти не соприкасавшиеся с падшим грехом человеческим родом, согласно и в бесконечном множестве явились в маленький зимний Вифлеем, чтобы воспеть здесь Рожденного Марией – ставшее Истинным Человеком Слово, и тем провозгласить новое единство в Боге ангелов и людей: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!* (Лк. 2: 14). Вот что говорит, обращаясь к Богоматери, в «Слове первом на всечестное Успение» святитель Герман: «Едва только был создан человеческий род, ангелам было заповедано хранить его жизнь – руководить и соблюдать в непоколебимой вере в Бога... Но так как люди жили тогда

в идолопоклонстве и оскверняли воздух курениями жертв, то ангелы удалились от общения с людьми, и Бог отнял от них Духа Своего. Когда же в последние времена Ты родила Слово Бога Отца, то тотчас после этого Рождения ангелы призрели на землю, прославляя хвалебной песнью Рожденного Тобой Бога, и провозгласили умножение *славы в вышних*, восклицая, что на *землю* пришел *мир*, что между ангелами и людьми, между землей и Небом уже не будет враждебной преграды; но [напротив,] ангелами и людьми будет приноситься согласный образ жизни и одно общее прославление Единого и Троичного Бога». Ныне в Вифлееме произошла новая встреча ангелов и людей, обновился их союз в Боге. Как говорит, обращаясь к Богоматери, тот же святитель Герман, «через Твою непорочную плоть человек соделался небожителем, и пастыри соединились с ангелами; ангелы преклонились к смирению Рожденного [на земле], а люди возвысились, умудрились, познав предвечное по Рождению... единосущие Отца с Сыном». Тем самым в день Рождества Христова, когда ангелы провозгласили и воспели *славу в вышних* – на небесах и *мир* долу – на *земле*, небо и земля, род ангельский и род людской благодаря Воплощению Христову наконец-то соединились в новом союзе. И Лестницей в этом новом и непрестанном нисхождении и восхождении друг к другу ангелов и людей, Путем во взаимной встречной устремленности неба и земли сделалась именно Пречистая Дева: Та, посредством Которой Бог сошел с Небес, низ-

ведя оттуда и горние силы, и Та, посредством Которой и по молитвам Которой христиане, уподобляясь в своей смерти славе Ее Успения, восходят на Небеса и поселяются здесь с ангелами. Именно поэтому преподобный Иоанн Дамаскин в «Первом похвальном слове на Успение» сравнивает Пресвятую Богородицу с увиденной некогда праотцем Иаковом *лестницей*, по которой, как узрел ветхозаветный праведник, *восходят и нисходят... Ангелы Божии* (Быт. 28: 12). Преподобный Иоанн обращается к Богоматери: «Едва не забыл я о лестнице Иакова. Что же? Не всякому ли ясно, что она познается как Твое предначертание и образ? Ведь как [Иаков] видел Небо, соединенное с землей концами лестницы, ангелов, нисходящих и восходящих по ней, и подлинно Сильного и Непобедимого, предызобразительно с ним Боровшегося [Господа] (см. Быт. 28: 12; 32: 24–31), так и Ты сочетала разделенное, став Посредницей и Лестницей для нисхождения к нам Бога, Который воспринял наш немощный состав, сочетал и соединил с Самим Собой и сделал человека умом, способным видеть Бога. Благодаря этому и ангелы спустились, чтобы послужить Ему как Богу и Владыке, и люди, восприняв ангельское житие, восхищаются на Небо».

Именно так – при живом, деятельном и творческом участии и соработничестве Богу Пречистой Девы – и полагается твердое основание той совершенной полноты единства людей и ангелов, что откроется в Жизни Будущего века, в Небесном Иерусалиме, когда ангелы и люди составят неру-

шимый союз, общий хор славящих Бога и служащих Ему тварных разумных существ. Тогда, по убеждению святителя Андрея Кесарийского («Толкование на Апокалипсис»), наконец окажется подлинно явлена «одна Церковь ангелов и людей! Ибо будут тогда сослужителями человеков и ангелы...».

Святоотеческие проповеди на Успение: ветхозаветные пророчества о Богоматери и Ее библейские прообразы

Святые отцы в проповедях на Успение Пресвятой Богородицы постоянно обращаются к ветхозаветным пророчествам о Богоматери, свидетельствующим как о Ее призвании стать Матерью Воплощенного Сына Божия, Спасителя мира, так и о Ее грядущей новозаветной славе святости, которая оказалась зримо явлена в земном пути Богоматери – в том числе и в Ее честном преставлении.

По убеждению святых отцов, Мария, по совершенному Предведению Божию, была предызбрана стать Матерью Господа еще прежде сложения мира. Как утверждает в «Первом похвальном слове на Успение» преподобный Иоанн Дамаскин, Бог Отец «Ее предопределил» от века и потому «пророки предрекли» Богоматерь «Духом Святым». По мысли святителя Андрея Критского, выраженной в «Слове первом на Успение Пресвятой Богородицы», Пречистая Дева оказалась «Великим Видением пророков, посредством Которого святые *многократно и многообразно* (Евр. 1: 1)», по даруемому им от Господа откровению, «научались тайнам Божественного создания и утвердились в великой тайне Домострои-

тельства». При этом в личности Марии как бы сошлись вместе, «сфокусировались» и исполнились все прежние ветхозаветные пророчества и прообразы, чудеса и знамения. Ведь Главным и Важнейшим, осуществившимся через посредство Пресвятой Девы, Совершенным Чудом, подлинным *Знамением...* для рода сего (ср. Лк. 11: 30) – в Котором обрели смысл и исполнились все прочие древние библейские пророчества, прообразы, чудеса и знамения, – конечно же, стал грядущий воплотиться Бог Слово, Чьим первым Жилищем, первой Обителью на земле оказалось Ее пречистое чрево. Поэтому святитель Андрей Критский в «Слове третьем на Успение» утверждает: безмужно, девственно и спасительно приняв во чреве Воплощенного Сына Божия, Пресвятая Богородица «воистину... сделалась как бы Жилищем всех бывших ранее чудес», о которых свидетельствовали ветхозаветные праведники и предрекали пророки.

Кроме того, святые отцы подчеркивают: именно через посредство Пречистой Девы – как сделавшейся Матерью чаемого богоизбранным народом Христа – осуществился Новый Завет между Богом и людьми, пришедший на смену Завету Ветхому. Древние пророки свидетельствовали об этом грядущем спасительном Новом Завете неоднократно: *Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой*

они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом (Иер. 31: 31–33); И заключу с ними завет мира, завет вечный будет с ними (Иез. 37: 26). Здесь также следует вспомнить и о том, что ветхозаветные пророки порой называют Новым Заветом именно Самого грядущего в мир Христа, Сына Божия: Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку и хранить Тебя, и поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников, чтобы открыть глаза слепых, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме – из темницы (Ис. 42: 6–7); Так говорит Господь: во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе; и Я буду охранять Тебя, и сделаю Тебя заветом народа, чтобы восстановить землю, чтобы возвратить наследникам наследия опустошенные, сказать узникам: «выходите», и тем, которые во тьме: «покажитесь» (Ис. 49: 8–9). Мы знаем: всякий человеческий завет, закон, установление, договор обычно записываются в книге, на бумаге, чернилами, писалом. Но где и чем оказался записан тот Новый Завет, что был заключен между Богом и Его Церковью во Христе? Если мы скажем, вслед за библейскими пророками, что этим Новым Заветом может быть назван и Сам Христос, то, значит, Книгой, в которой Этот Завет оказался «записан», то есть воплотился,

конечно же, стала именно Его Пречистая Матерь – Ее девственное чрево, чернилами же и писалом оказалась благодатная сила Святого Духа, сошедшая на Деву в день Благовещения и совершившая в Ней Чудо Боговоплощения. Пречистая Дева и есть То Рукописание, в Котором запечатлелось Слово Жизни, Слово Отчее, Совершенная Истина-Христос. Вероятно, именно об этом говорит, обращаясь к Богородице в «Слове третьем на Успение», святитель Андрей Критский: «Ты Одна – воистину написанная Богом Книга Нового Завета, который Бог... заключил с людьми».

Итак, вместе с наступлением новозаветной эпохи многочисленные древние пророчества и прообразы, чудеса и знамения как бы сошлись воедино и исполнились в Той, Которая привела в мир его Главнейшее Чудо – Божественного Сына. Вместе с тем и Сама Богоматерь есть Величайшее Чудо всех времен. Ведь Она превзошла нравственной чистотой, духовным совершенством и молитвенной устремленностью к Богу всех живших прежде Нее ветхозаветных праведных жен, почему и оказалась достойна, уготована Господом стать Матерью для Воплощенного Бога. Как говорит в «Слове 37-м. На всеблаженное Успение» святитель Григорий Палама, именно «ради Нее [Богородицы] были предречения богодухновенных пророков, чудотворения, предуказавшие на Сие Великое Чудо вселенной – Приснодеву и Богоматерь; [ради Нее были] перемены в судьбах народов, проложившие путь к осуществлению совершившегося над Ней нового таинства;

[ради Нее –] установления Духа, разнообразно прообразовавшие будущую Истину; конец же или, лучше сказать, корень совершившихся [ради Нее] всех древних чудес – исполнение Божьего обетования, данного Иоакиму и Анне... о рождении от них... Той, Которой [в Свою очередь] надлежало бессеменно родить [Сына,] предвечно Рожденного от Бога Отца».

Так что же за древние ветхозаветные пророчества, обетования и прообразы предрекали на Пресвятую Богородицу, на Ее безмужное зачатие и девственное Рождение, на величайшие добродетели и совершенства Марии? Вот какие ответы дают нам святые отцы, авторы церковных проповедей на праздник Успения.

Среди многочисленных ветхозаветных пророчеств о Богоматери следует прежде всего назвать пророчество Исаии о том, что Матери грядущего вочеловечиться Бога Слова надлежало зачать Его безмужно, пребыв Девой: *Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил* (Ис. 7: 14). На это пророчество указывают святитель Андрей Критский и преподобный Иоанн Дамаскин.

Припоминают святые отцы – святитель Андрей Критский, преподобный Иоанн Дамаскин, преподобный Феодор Студит – и пророчество Иезекииля, также относящееся к Богоматери и читаемое в качестве паремии за богослужением Успения: *И привел он меня обратно ко внешним воротам*

святилища, обращенным лицом на восток, и они были затворены. И сказал мне Господь: ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены (Иез. 44: 1–2). По убеждению толкователей этого ветхозаветного текста, он указывает на приснодевство Богородицы. Мария всегда оставалась Девой: и при безмужном Зачатии, и в миг Рождения по Человечеству Ее Божественного Сына, и по Его Рождестве. Она – Та Дверь, Те Врата, сквозь Которые не прошел никто, кроме Него, причем – Врата Затворенные и остававшиеся таковыми даже при Его прохождении: в миг Его появления на свет в Вифлеемской пещере.

Святители Андрей Критский и Климент Охридский, преподобные Иоанн Дамаскин и Феодор Студит также сравнивают Богоматерь с Горой из пророчества Даниила: Той Горой, из Которой происходит Камень, никем не вырубаемый, но наполняющий и покрывающий всю землю (ср. Дан. 2: 34–35, 45). Речь здесь идет о великой *горе*, от которой, по пророчеству Даниила, оторвался *без содействия рук... камень*; Богоматерь – Дева и Приснодева – сравнивается здесь с этой горой потому, что от Нее безмужно (*без содействия рук*) родился, положенный в основание нашего спасения, как его фундамент, Камень-Христос (ср. Дан. 2: 34–35).

Святитель Андрей Критский припоминает и пророческий текст из 44-го псалма. Вот как он звучит в Синодальном переводе Библии:...*Стала царица одесную Тебя в Офирском зо-*

лоте. Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжселяет Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой, и ты поклонись Ему... Вся слава дочери Царя внутри; одежда ее шита золотом; в испещренной одежде ведется она к Царю; за нею ведутся к Тебе девы, подружки ее, приводятся с весельем и ликованием, входят в чертог Царя (Пс. 44: 10–12, 14–16). Однако древним греческим отцам этот библейский текст был известен в другой его версии – по Септуагинте. Здесь он звучит иначе: ...Предстала Царица одесную Тебя, в одежде расшитой золотом, преукрашенная. Слушай, Дочь, и смотри, и приклони ухо Твое, и забудь народ Твой и дом отца Твоего! И возжселяет Царь красоты Твоей, ибо Он – Господь Твой, и поклонись Ему... Вся слава Дщери Царя – внутри Ее; одета она золотою бахромою, преукрашенная. Приведутся к Царю девы во след Ее, ближние Ее приведутся к Тебе. Приведутся с веселием и радостию, введутся в чертог Царя (Пс. 44: 10–12, 14–16 по LXX). Ныне, в день Успения, Дщери Царя, то есть произошедшая из рода Давида Пречистая Дева, восходит во славе в Чертог Царя-Бога, на Небеса.

Святые отцы обращаются и к различным ветхозаветным символическим прообразам Богоматери, сравнивая Ее то с Лестницей Иакова (см. Быт. 28: 11–13), по Которой к нам сошел с Небес Вочеловечившийся Бог (святитель Андрей Критский, преподобные Иоанн Дамаскин и Феодор Студит), то с горевшей и не сгоравшей купиной (кустом), увиденной

Моисеем (см. Исх. 3: 2), которая предрекала на Деву, принявшую в Свое чрево подобного пламенеющему Небесному Огню Воплотившегося в Ней Бога; ведь Богородица, подобно той древней ветхозаветной неопалимой купине, также не была попалена, не оказалась сожжена Боговселением, но понесла Огонь Божества в Своем чреве и затем родила Спасителя мира (святители Андрей Критский, Климент Охридский и Григорий Палама, преподобные Иоанн Дамаскин и Феодор Студит). Припоминают святые отцы в качестве прообраза Богородицы и хранивший во Святом святых Иерусалимского храма Ковчег (Кивот) завета – как место особого пребывания Божественной славы. Но и Мария есть также Кивот Сына Божия, заменивший Собой древний ветхозаветный ковчег, ибо Она вместила во чреве Величайшую из всех святынь – Единое, Нетварное и Ипостасное Божественное Слово (святители Андрей Критский и Климент Охридский). Богородица – новый Ноев ковчег (ср. Быт. гл. 6–8), вводящий человеческий род в очищенный потоком Божественной благодати от греха мир, в обновленную и новосозданную Христом вселенную; при этом Сам Христос есть новый Ной, пребывавший и живший в Ее чреве, как в плотском Ковчеге (преподобный Иоанн Дамаскин). Мария – Новый Рай, в Котором обитал Бог и в Котором осуществился новый союз Бога и – в лице Самой Богородицы – человеческого рода. И вот отныне в Ней обитает Новый Адам, Христос – Прародитель нового человечества, подобно тому, как некогда в древнем

раю обитал общий прародитель обветшавшего грехом человеческого рода – Адам ветхий. Как говорит об этом в «Первом похвальном слове на Успение» преподобный Иоанн Дамаскин, обращаясь к Богородице, «Ты – умственный Эдем, священнейший и божественнейший древнего; в том обитал Адам *перстный*, а в Тебе – *Господь с неба* (ср. 1 Кор. 15: 47)». Богородица – гора Сион, священная Иерусалимская гора; Богоматерь есть подлинный духовный Сион, как место встречи и сочетания Божества и человечества: двух соединившихся в Ее чреве природ Христа (святитель Андрей Критский). Мария также была прообразована и ветхозаветной скинией, где первоначально, до строительства храма в Иерусалиме, совершались богослужения богоизбранного народа. Вместе с тем в сравнении с той древней палаткой Богоматерь есть куда более совершенная Скиния Божия, как Воспринявшая в Себя не только Божественную благодать, как это произошло в скинии ветхозаветной, но и Вторую Ипостась Пресвятой Троицы, Сына Божия (преподобный Иоанн Дамаскин). Богоматерь – Храм, уподобляемый Иерусалимскому храму как священному месту Богоприсутствия, ибо и в Ней, в Ее чреве обитал Бог (святитель Герман Константинопольский). Богоматерь – Жезл Ааронов расцветший (см. Чис. 17: 1–8) (преподобные Иоанн Дамаскин и Феодор Студит), Руно Гедеона (см. Суд. 6: 38) (преподобный Феодор Студит). Наконец, Марию прообразуют те клещи, которыми серафим, во время своего явления Исаии, взял с жертвен-

ника уголь, чтобы очистить уста пророка (см. Ис. 6: 6). Вот как ярко и богословски высоко поясняет этот ветхозаветный прообраз Богородицы в «Слове 37-м. На всеблаженное Успение» святитель Григорий Палама: «Исаия... видел, что серафим не непосредственно взял с жертвенника уголь, но взял посредством Клещей, при помощи Которых коснулся пророческих уст, подавая очищение (см. Ис. 6: 6)... Кто не знает, что... Те Клещи есть Матерь Дева, неопально зачавшая Божественный Огонь», Самого *Бога*, Который *есть огонь по-ядающий* (Втор. 4: 24); и таким образом, подобно древнему пророку весь «человеческий род... через Ее посредство» соединился «с Этим Божественным Огнем» и тем «приобщился... Вземлющему грех мира и Очистившему наше [естество от этого греха] силой Своего неизреченного соединения [с нашей природой]... И посему только Она Единственная есть Посредница между сотворенной и несотворенной природами».

Два Завета: от власти смерти, греха и ада – к успению христианина во Христе

Ветхозаветные книги обычно рисуют перед нами предельно мрачный образ человеческой смерти – всемогущей и всепоглощающей. Говоря об этом в «Слове в день Успения Пресвятой Богородицы» 1851 года, святитель Филарет Московский поясняет: «Обращаясь к Ветхозаветным... писаниям... примечаем, что там нет... утешительной заботы облечь мысль о смерти светлой одеждой. Кончина даже праведных и святых там не называется успением, но смертью». Пророк Иеремия говорил, что неизбежная *смерть входит в наши окна, вторгается в чертоги наши, чтобы истребить детей с улицы, юношей с площадей* (Иер. 9: 21). Пророк Аввакум сравнивал смерть с надменным, не способным ни на милость, ни на жалость человеком – жестоким и лишенным снисхождения: *Надменный человек, как бродящее вино, не успокаивается, так что расширяет душу свою как ад, и как смерть он ненасытен, и собирает к себе все народы, и захватывает себе все племена* (Авв. 2: 5). Особенно же страшной и губительной ветхозаветным писателям виделась смерть грешников: *Со смертью человека нечестивого исчезает надежда* (Притч. 11: 7). Но и смерть праведников – то-

же горька, мучительна и страшна; так, патриарх Иаков, готовясь к кончине, произнес: *с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю* (Быт. 37: 35).

Однако в ветхозаветных пророчествах присутствовала и надежда на скорое избавление от безраздельной власти смерти, царившей над человеческим родом со дня грехопадения. Эта надежда связывалась древними пророками с грядущим Мессией-Христом. Пророк Исаия, предвозвещающая – вместе с близящейся новозаветной эпохой – чаемое преодоление смерти, победу над ней, писал: *Поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц* (Ис. 25: 8). Такая победа должна была осуществиться Господом Иисусом – через поправление смерти Его Собственными Смертью и Воскресением. Поэтому пророк Осия предрекал: *От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?* (Ос. 13: 14).

Ныне, в реальности Нового Завета, нам также стал ясен смысл пророческих слов Псалтири, предвещавших новое – преображенное Христом и во Христе – понимание смерти, сделавшейся теперь для христианина уже не нищетой гроба, но драгоценным залогом и началом его небесного блаженства: *Дорога в очах Господних смерть святых Его!* (Пс. 115: 6). Ведь в век Христов умирание – если это кончина подлинно верующих в Господа – уже не является потерей, лишением, но, напротив, по слову апостола Павла, есть благое *приобретение*: *для меня жизнь – Христос, и смерть – приобре-*

тение (Флп. 1: 21).

О подобном обновленном новозаветном понимании смерти говорит в «Слове в день Успения Пресвятой Богородицы» 1851 года и святитель Филарет Московский: «Из противоположности новозаветного состояния человечества с ветхозаветным открывается новая причина того воззрения на смерть, пред которым она перестает казаться смертью и превращается в сон. Если бы мы, еще в первых прародителях осужденные на смерть и ежедневно сами подтверждающие собственное осуждение произвольными грехами, не были искуплены от смертного осуждения Страданием и Смертью Христовой, то смерть временная препровождала бы нас в смерть вечную без надежды пробуждения к жизни. Это была бы совершенная смерть. Но когда *Христос умер за нас* (Рим. 5: 8), когда *мы примирились с Богом смертью Сына Его* (Рим. 5: 10), когда *Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом* (Еф. 2: 4–5), когда, вследствие сего, *как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут* и по смерти (1 Кор. 15: 22), и оживут в жизнь вечную и блаженную, какова не может не быть жизнь о Христе – тогда смерть действительно перестала быть смертью и превратилась в сон. Это сон кратковременный в сравнении с последующею вечной жизнью, сон мирный, как отдохновение от трудов, как облегчение от скорбей, как покой умиротворенных Христом в совести, сон не бессознательный –

ибо спит тело, а душа не спит – но сознательно сладкий, как предвкушение будущего блаженства».

Вот уж две тысячи лет как наш мир есть мир пасхальный. Ибо Воскреситель человеческого рода Господь Иисус Христос навеки победил Своими Смертью и Воскресением мрак и безысходность греха и ада и претворил бытие верных в то нескончаемое торжественное шествие, в тот не имеющий предела радостный пасхальный крестный ход, где даже миг нашей смерти призван сопровождаться неумолкающим: «Христос Воскресе!» – «Воистину Воскресе!» Мы знаем: завершая свой земной путь, христианин по большому счету не умирает, ибо отныне пребывает в Том *Боге*, Который *не есть Бог мертвых, но живых* (Мф. 22: 32), и приготавливается – Им и в Нем – ко всеобщему воскресению. Физическая смерть – лишь временная и потому не имеет над верными реальной власти: ведь после нее обязательно должно последовать их восстание из гроба – как будто с ночного одра после спокойного, краткого и блаженного сна.

Поэтому в ответ на вопрос: «Может ли живущий на земле человек, по определению обреченный на физическое умирание, избежать смерти?» мы имеем право ответить: да, может. Ведь если мы – подлинные христиане, то, значит, мы и в смерти едины с той жизнью, Источником и Дарователем которой является Христос – Победитель смерти. Он – *Путь и Истина и Жизнь* (ср. Ин. 14: 6), а значит – Сам есть наше Восстание из мертвых и Воскресение. Святитель Андрей

Критский в «Слове первом на Успение Пресвятой Богородицы» говорит: «Сам Устроитель [законов] жизни и смерти, Жизнь и Воскресение всех, по милосердию Своему, Своей Смертью победил *имеющего державу смерти* (Евр. 2: 14)». И в этом смысле та сила, что низводит всех нас во гроб, – это не совсем настоящая смерть, ибо она мимолетна и скоропреходяща, как будто сон. Умирание христианина по большому счету даже и не заслуживает имени смерти. И здесь становится более ясной мысль священномученика Сергия Мечёва, делающего в «Слове на Успение Пресвятой Богородицы» загадочное и парадоксальное утверждение: «Смерть есть то, чего человек может избежать». Да, хотя мы на время и умрем, но затем обязательно воскреснем, а значит – избегнем смерти и ее власти.

Мысль о том, что наше физическое умирание – это не столько смерть, сколько лишь временный, хотя и очень глубокий сон, за которым должно непременно последовать пробуждение – воскресение, выражает в «Слове первом на Успение Пресвятой Богородицы» святитель Андрей Критский: после грехопадения прародителей «людям однажды навсегда было определено умереть, и это обстоятельство было совершенно неизбежно для рода человеческого; и именно за преслушание надлежало естеству человеческому принять свыше от Творца это определение. По этой причине, конечно, Бог также однажды умер, дабы чрез эту одну Смерть [на Кресте] избавить всех нас от несносного рабства смерти, как го-

ворит богодухновенный писатель: *и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству* (Евр. 2: 15). „Что же, – возразят, быть может, некоторые, – ужели мы теперь не будем умирать этой смертью?“ Да, будем; однако не так, как прежде, когда люди безусловно находились во власти смерти. А если это так, то смерть не может быть уже названа в собственном смысле смертью... Истинная смерть – та, когда нам, однажды умершим, не будет дозволено возвращение к жизни. Мы же если и умрем, то, по возобновлении жизни после смерти, будем наслаждаться лучшей жизнью, поскольку всем известно, что смерть есть успение и возвращение ко второй жизни» – блаженной и не имеющей конца.

При этом следует подчеркнуть: то воскресение человеческого рода из мертвых, которому надлежит совершиться в день Страшного Суда, должно стать всеобщим, а значит – не зависящим от того, веровал ли человек во Христа или же нет; ведь тогда будут воскрешены не только *праведники*, но и грешники: и те, кто обретут *жизнь вечную*, и те, кто *пойдут... в муку вечную* (Мф. 25: 46). Сила воскресения, раз и навсегда восторжествовавшая во Христе, – универсальна и действительна для всего человечества. Сын Божий, став Истинным Человеком, победил, преодолел силу и власть смерти изнутри самой нашей природы, некогда сделавшейся – в результате грехопадения прародителей – вместилищем и основанием смертного людского начала, а ныне ставшей Соб-

ственным человеческим естеством Бога Слова и благодаря этому наполнившейся Им и в Нем бытийной полнотой жизни. Тем самым Богочеловек Христос, исцелив в Себе наше человеческое естество от болезни смерти, затем всеохватно и универсально распространил живительные плоды и силу этого воскрешающего от смерти к жизни врачевания на всю полноту людского рода. И теперь уже все человечество приготовлено Христом и во Христе в конце времен ко всеобщему восстанию из мертвых. Однако и умереть, и воскреснуть можно по-разному. Можно восстать из мертвых в вечную и блаженную жизнь в Боге, а можно – в пусть даже и вечное, но по сути «мертвенное существование», являющееся непреходящей мукой: ведь восстающий из гроба грешник не будет иметь взаимной животворящей любви с Тем, Кто *есть Любовь* (1 Ин. 4: 8) и *есть Жизнь* (ср. Ин. 14: 6). Потому-то он и окажется лишен подлинной вечной жизни, получив вместо нее только то самое «мертвенное существование», по грозному евангельскому слову: *Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни* (Ин. 3: 36). Но как же нам избежать этой «мертвой вечной жизни», о которой нас предупреждают святые отцы? Очень простые ответ и совет дает нам в проповеди «Победа над смертью. Слово в день Успения Пресвятой Богородицы» святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Будем же посильно побеждать в себе грех, как причину смерти».

А вот в отношении верующих смерть, уже навеки побеж-

денная Христом и потому имеющая силу лишь временного и преходящего сна, может быть названа именно блаженным и благим успением. Ведь в ней, пусть и временно властвующей над плотью, души праведных все равно наслаждаются небесной жизнью в Боге и в то же время готовятся к грядущей полноте – в обновленном союзе души и тела – вечного бытия по воскресении. Поэтому священномученик Сергей Мечёв в «Слове на Успение Пресвятой Богородицы» учит: «Обычно считают, что сон отличается от смерти тем, что он есть нечто временное, ибо после сна всегда наступает пробуждение. И мы веруем, что после смерти и Воскресения Спасителя смерть преодолена и побеждена Им, и нас всех ждет всеобщее воскресение. *Смерть! где твое жало?* (1 Кор. 15: 55). Смерти больше нет, а есть сон – успение. *Всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек* (Ин. 11: 26)». Именно такой смертью – Успением – было преставление Самой Богоматери, как Всесвятой из святых и Всеправеднейшей среди праведных. Но вместе с тем не только смерть Богоматери, но и смерть просиявших в Церкви христианских святых и даже кончина всякого верующего в Спасителя и деятельно исполняющего Его заповеди христианина может быть также названа успением – пусть и смертным, но всего лишь сном, кратким перед лицом грядущей вечности нескончаемой жизни в Боге. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в проповеди «Победа над смертью. Слово в день Успения Пресвятой Богородицы» задается вопросом: «Что же видим теперь, после

явления Господа во плоти нашей и после победы, одержанной Им над грехом и смертью? Весь ужас смерти исчез; она сделалась как бы мирным сном, после которого настанет радостное утро всеобщего воскресения».

Святоотеческие проповеди на Успение: умерла или уснула?

Именно такой – обновленный и благой – смысл христианской смерти оказался явлен человеческому роду в славном и блаженном Успении Богородицы. Поэтому преподобный Иоанн Дамаскин во «Втором похвальном слове на Успение» утверждает: «Безмерно дорого преставление Божией Матери». Умаление власти в искупленном Христом человечестве смерти, что действует в верных уже не как безысходность могильного истления, но как краткий и блаженный сон, открылось всем нам именно в Успении Пречистой Девы. Но вместе с тем образ преставления Богоматери настолько отличается от образа земной кончины всех прочих людей, что, по убеждению ряда святых отцов, славное отшествие Марии вообще не заслуживает этого имени – «смерть». Тот же Дамаскин во «Втором похвальном слове» торжественно провозглашает: «Сегодня Сокровище Жизни, Бездна Благодати – не знаю, как сказать это дерзновенными и бестрепетными устами, – покрывается живоносной смертью, и безбоязненно приступает к ней Та, Которая в чреве носила Ниспровержителя смерти, если вообще допустимо именовать смертью все-священное и животворное Ее отшествие». Святой праведный Иоанн Кронштадтский в проповеди «Победа над смертью. Слово в день Успения Пресвятой Богородицы» также

наставляет: «Церковь кончину Божией Матери называет не смертью, как обыкновенно мы называем кончину людей, а Успением или, что все равно, упокоением или мирным сном, и не только не скорбит, не плачет при гробе Ее, а, напротив, поет радостные, торжественные песни Ее исходу».

Следует отметить, что, говоря о земной кончине Богородицы, святые отцы здесь используют – помимо понятий «успение», «сон» – и различные другие: «преставление», «преложение», «отшествие», «перемещение», «перехождение», «водворение у Господа». Так, например, преподобный Иоанн Дамаскин, обращаясь к Богоматери в «Первом похвальном слове», говорит: «...не смертью назову священное Твое Успение, но преставлением или отшествием или, точнее сказать, водворением. Ведь выходя из тела, Ты *водворяешься у Господа* (ср. 2 Кор. 5: 8)».

При знакомстве с содержанием ряда древнейших святоотеческих проповедей на Успение может показаться, что в них выражается мысль о том, что Пречистая Дева в день Своего Успения вообще не умерла, избежала физической смерти и была – после краткого, лишь кажущегося смертным, глубокого духовного сна – взята Своим Сыном живой на Небеса. Например, подобное впечатление возникает при обращении к гомилиям святителя Германа Константинопольского, который говорит Богоматери в «Слове втором на святое Успение»: «мы считаем жизнью и Твое Успение». Тот же святитель Герман в «Слове третьем» заявляет, что Бо-

гоматерь в Успении «испускает, как во сне, дух, лучше же сказать, в бодрственном состоянии отлучается от тела, соделав Свое тело свободным от тления». Затем святитель обращается к Самой Богородице: «Смерть не похвалится Тобою, ибо Ты носила во чреве Жизнь...» А в «Слове первом» святитель Герман добавляет, что «девственное тело» Богоматери «все свято, все непорочно, все – жилище Божие, потому и свободно от разрешения в прах. Как человеческое, оно преложилося [перешло, переменялось] к высшей жизни нетления, но [остается] цело и преславно, совершенно живо и не усыпает». В Богоматери пребывает «дух жизни, постоянно дышащий», а Ее «тело – свободно от тления и разрушения в прах...». Чуть далее, обращаясь к Богородице, святитель Герман говорит: «Да и не могло быть, чтобы соделавшаяся Сосудом, воспринявшим [в Себя] Бога, Ты рассыпалась в прах истления: ибо поскольку Умаливший Себя в Тебе был Бог от начала и Жизнь Предвечная, то и Тебе, Матери Жизни, надлежало стать Сожительницей Жизни и принять Успение – как сон и преставление – как пробуждение». Похожие высказывания характерны и для преподобного Феодора Студита, который в «Похвальном слове на Успение» также настаивает на том, что о Богоматери следует говорить «„уснувшая“, а не „умершая“ потому, что перенесена, но не перестала покровительствовать роду человеческому». Смерть, «прикоснувшись» к Пречистой Деве, сама оказалась «умерщвлена». Потому-то Ее Успение и не сопровождалось

обычным признаком людской телесной смерти – истлением
плоти во гробе, ибо Богоматерь «по справедливости имеет в
животворном Успении... нетление... души и тела».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.